

ГРЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ
(третья четверть XVIII – начало XX вв.)

В 1774 г. Керчь, согласно условиям Кучук-Кайнарджийского мира, отошла к Российской империи. Указом от 14 февраля 1775 г. она была выведена из состава Новороссийской губернии и включена в состав Азовской провинции Азовской губернии [Загоровский, 1913, с. 55]. В городе в это время действовал только один храм, находившийся в ведении Готфийской и Кафийской епархии Константинопольского патриархата, известный ныне как церковь Иоанна Предтечи [Михайлова, 1976, рис. 1; Бочаров, 2005, рис. 1; Томилов, 1868, с. 192]. В 1775 г. церкви Керчи и Ени-Кале были подчинены Славянской и Херсонской епархии. Спустя два года, согласно Указу Святейшего Синода, ее разделили на несколько Духовных управлений [Лиман, 2004а, с. 39] и 17 сентября этого же года архиепископ Славянский и Херсонский Евгений передал церкви Керчи и Ени-Кале в ведомство протоиерея Павловского (Павлоградского) Духовного Правления Федора Писаревского (Тисаревского) [Гавриил, 1853, с. 117; Макаревский, 1880, с.

119]. 14 марта 1779 г. высочайшим указом Екатерины II создана Готфийская-Кафийская митрополия, с кафедрой в г. Мариуполь, которая как викариат была подчинена Славяно-Херсонской епархии. Некоторые исследователи считают, что в ее ведении находились приходы Керчи и Ени-Кале, однако, консисторские документы 1780-1781 гг. свидетельствуют о том, что они напрямую подчинялись Славянскому и Херсонскому епископу [Лиман, 2004б, с. 122-123; Православна... 2004, с. 49, № 50, № 327]. В 1787 г. с кончиной митрополита Готфийского и Кафайского Игнатия Хазудиноса (16 февраля 1786 г.) была создана Феодосийская и Мариупольская епископия-викариат, в состав которой до 1800 г. входили приходы Керчи и Ени-Кале [Лебединцев, 1861, с. 40-57; Лиман, 2004б, с. 124; Лиман, 2004а, с. 41; Сухарев, 1997, с. 214]. Уже от Феодосийской консистории в 1795 г. получали указы еникольский иеромонах Герасим и керченский иеромонах Евфимий [Лебединцев, 1883, с. 207].

Рис. 1. Церковь Иоанна Предтечи. «Вид древней церкви в Керчи, 1803 г. Акварель Иванова И.А.».

С 1800 г. керчь-еникальские приходы управляются иерархами Новороссийской и Днепровской епархии, с 1803 г. Екатеринославской, Херсонской и Таврической, а с 1837 г. Херсонскими и Таврическими владыками. 16 ноября 1859 г. в пределах Крыма создана самостоятельная Таврическая и Симферопольская епархия [Родионов, 1872].

Впервые церковь упоминается в сочинении арабского путешественника Абу-Абдаллаха Мухаммеда Ибн-Баттуты (1304-1377) «Подарок наблюдателям по части диковинных стран и чудес путешествий», посетившего Керчь в 1332 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 279]. В церкви его внимание привлекла одна из фресок с изображением араба в чалме, опоясанного мечом и с копьем в руке. К удивлению путешественника, монах, которого он встретил в церкви, пояснил, что это «изображение пророка Али». Столь неожиданное пояснение сюжета можно объяснить только непониманием, возникшим между собеседниками [Пономарев, Бейлин, Бейлина, 2009, с. 130]. Так, по мнению Ф. К. Бруна, монах, вероятно, говорил об изображении пророка св. Ильи [Брун 1880, II, с. 322]. Другие исследователи считают, что его ответ отражал реальную действительность и может быть объяснен смешанными культурными традициями средневековой Керчи, где одновременно проживали христиане и мусульмане. В частности, А. Б. Малышев предположил, что речь, вероятно, шла об изображении Георгия Победоносца, но горожане считали его пророком Али [Малышев 2003, с. 15]. Еще менее убедительной выглядит иная историческая реконструкция, согласно которой в XIV в. церковь была превращена в мечеть, а изображения на ее стенах сохранились благодаря «нетвердости мусульманских устоев в этих краях» [Макарова 1972, с. 377; Макарова 2003, с. 72; Лазенкова 2005, с. 120; Воронцов, Михайлова 1983, с. 73]. Тем более, нет никаких оснований полагать, что на такой шаг в XVI – начале XVII вв. пошла турецкая администрация [Кириллин 1981, с. 55]. По сведениям Эвлии Челеби [Челеби 1999, с. 98; Челеби 2008, с. 195-196], в 60-е гг. XVII в. в городе одновременно функционировали несколько мечетей и «церковь неверных»¹.

По словам префекта Каффы и Татариин монаха-доминиканца Эмиддио Дортелли д'Асколи, находившегося в Крыму с 1624 г., церковь Иоанна Предтечи в то время была освящена во имя св. Георгия [Дортелли д'Асколи 1902, с. 122], но подтверждения этому в других источниках найти не удалось [Челеби 1999, с. 98]. А. Л. Бертье-Делагард, с комментариями которого было издано сочинение Дортелли д'Асколи, полагал, что путе-

¹ Данные о количестве мечетей для различных периодов существенно разнятся. Адмирал К. И. Крюйс, посетивший Керчь в 1699 г., упоминает о 22 мечетях и 2 церквях [Крейс 1830, с. 392]. Эти же цифры, но уже для начала XVIII в. приводит И. Э. Тунманн [Тунманн 1936, с. 44]. В семидесятые годы этого же столетия подполковник Р. Н. Томилов насчитал в Керчи 8 мечетей [Томилов 1868, с. 192]. При этом, одна из них с неустановленным названием, была сооружена в 20 м к северу от церкви Иоанна Предтечи [Бочаров 2005, с. 149, рис. 1: 6].

шественник ошибся, поскольку церковь уже задолго до его посещения Керчи была освящена во имя св. Иоанна Предтечи, а ее известность привела к тому, что на многих средневековых картах-портоланах Керченский пролив назван именем этого святого [Дортелли д'Асколи 1902, прим. 107]. Эта же точка зрения высказывалась и ранее [Мурзакевич 1837, с. 677; Зенкевич 1894, с. 144]. В одной из своих статей Н. Н. Мурзакевич пишет: «при владении генуэзцев южным берегом Крыма, эта церковь им была известна, так что они верхнюю часть Таврического пролива (в древности: Боспор Киммерийский), прозвали устьем Святого Иоанна» [Мурзакевич 1837, с. 677]. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, на момент посещения префектом Керчи, именем св. Георгия назывался монастырь, находившийся близ Керчи в районе с. Катерлез (совр. с. Войково авт.) [Дортелли д'Асколи 1902, прим. 107]. Однако, в основу этого предположения легли местные легенды². К тому же на некоторых картах, в том числе и карте Меркатора, Керченский пролив упоминается под именем св. Георгия [Колли 1910, с. 26], и, что особенно важно, оба его названия не были связаны с церковью [Пономарев, Бейлин, Бейлина 2009, с. 130].

В литературе конца XVIII-XIX вв. церковь нередко именовалась Греческой [Томилов 1868, с. 192; Паллас 1999, с. 121; Сумароков 1800, с. 70; Свиньин 1826, с. 458; Гераков 1828, с. 118; Лашков 1916, с. 174; Спасский 1846, с. 8; Дюбрюкс 1858, с. 14; Монтандон 1997, с. 97; Беккер 1853, с. 351; Ховен фон дер 1871, с. 281], хотя, уже в реестре церковного имущества, составленном священником Дмитрием Триполитом в 1778 г., а также реестре церковью Павлоградского Духовного Правления от 6 июля 1784 года и в клировой ведо-

² В «Описании древним зданиям, находящимся в крепостях Еникальской и бывшей Керченской, и вообще на берегу Таврического или Воспорского пролива», составленном в 1827 г. инженер-капитаном Еникальской инженерной команды Штиром упоминается церковь Св. Георгия, находившаяся в дер. Катерлез на месте, где «ныне же видны на камне следы ног человеческих и копыт лошади» [Дюбрюкс 2010, I, с. 56]. По сведениям, полученным архиепископом Гавриилом, каменный монастырь во имя «св. великомученика Георгия» располагался на «горе» (холмистой гряде) к северу от дер. Катерлез. Во время войны (1768-1774?) он был разрушен «так-что и признаков не видно» [Гавриил 1844, с. 328]. Древний храм во имя св. Георгия в урочище Катерлез упоминается в прошении, поданном 9 августа 1849 г. архиепископу Иннокентию, в котором жители Симферополя, Алушты и других городов и поселков просили восстановить древние христианские святыни полуострова [Гроздов 1888, с. 81-83; Маркевич 1901, с. 34, прим. 1]. В действительности, небольшая каменная церковь (по другим данным часовня) на этом месте была сооружена только в 1852 или 1853 г. [Сухарев 1999, с. 26; Зенкевич 1894, с. 58]. Во время Крымской войны она была разорена союзниками, но в 1856 г. керченский купец и городской голова В. Я. Гушин приступил к сооружению новой церкви и 23 апреля 1857 г. она была освящена. В этом же году Святейший Синод разрешил открыть Катерлезскую Свято-Георгиевскую киновию [Сухарев 1999, с. 26].

мости 1794 г. она названа церковью Святого Иоанна и Иоанно-Предтеченской [Православна... 2004, № 325; Макаревский 1880, с. 1048; Лебединцев 1883, с. 207]. В изданиях XIX – первой половины XX вв. она также именовалась как: «Иоаннов храм» [Марти 1937, с. 43; Марти 1939, с. 131], церковь «во имя усекновения честныя главы Иоанна Предтечи» [Гавриил 1844, с. 323], церковь «Св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна» [Церковь... 1854], церковь «Св. Пророка Предтечи и Крестителя господня» [Церковь... 1856], церковь «Усекновения главы св. Иоанна Предтечи» [Кондаков 1877, с. 16], «церковь Усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня св. Иоанна» [Шевелев 1848, с. 738], церковь «Св. Иоанна Предтечи» или «во имя св. Иоанна Предтечи» [Мурзакевич 1837, с. 677; Авдеев 1887, с. 382; Татаринов 1894, с. 64; Марти 1913, с. 23], церковь «Иоанна Крестителя» [Туровский 1913, с. 509], «греческая церковь Ивана Предтечи» [Шкорпил 1908, с. 66]. Однако, когда и в связи с чем церковь во имя св. Георгия была переосвящена, установить пока не удалось.

Не так уж много сведений удалось собрать о ее первых священниках и причте. До 1778 г. общину церкви возглавлял священник Леонтий, а в 1773 г. к ней был причислен священник Дмитрий Триполит (Сателар, Сателарий)³, упоминания о котором мы находим вплоть до 1787 г. [Макаревский 1880, с. 1028; Сухарев 2004, с. 182] 27 марта 1777 г. Святейший Синод удовлетворил

³ Родился Д. Триполит в 1735 г. в Синопе. В 1759 г. «Даниилом митрополитом Ренским» рукоположен в священники. До 1769 г. состоял при Успенской церкви г. Бендер. В 1770 г. митрополитом Готфийским и Кафайским Игнатием определен на «приход в село Карасую», а спустя год «произведен наместником». В 1773 г. направлен в Керчь к «тамошней Предтечевской церкви... при коем поныне находясь тамошнему греческаго исповедания народу преподавал христианские требы по незнанию ими греческаго на турецком языке, а литургию, заутреню и вечерню отправлял на греческом языке». В 1776 г. вместе с другими вышедшими из архипелага греками был приведен к присяге и принят в русское подданство. В 1780 г. Д. Триполит был обвинен в незаконном займе церковных средств керченским купцом Георгию Трандафилову и Стерию. По распоряжению Славянской духовной консистории в период проведения следствия его отстранили от службы, временно назначив в керченскую церковь иеромонаха Максима и местного полкового священника [Православна... 2004, №№ 327-329]. Спустя год, с условием возврата заемных сумм, Д. Триполиту разрешили вернуться к своим прежним обязанностям. В защиту опального священника выступил обер-комендант Керчи и Ени-Кале генерал-майор Н. В. Барзов. В письме к славянскому и Херсонскому архиепископу Никифору (Феотоке) он характеризует Д. Триполита как бескорыстного и «хорошего поведения» духовного пастыря, пользующегося уважением со стороны живущих в обеих крепостях местных жителей. Учитывается в письме и материальная сторона. По мнению Н. В. Барзова, одолженные в татарской, не пользующейся популярностью среди местного населения монете суммы из церковной кассы, должники обязались вернуть в срок, к тому же русскими деньгами, что принесет церкви прибыль [Православна... 2004, № 329].

прошение Славянского и Херсонского епископа и разрешил принимать на службу не только белое, но и черное греческое духовенство, прибывшее вместе с переселенцами из Архипелага в Ени-Кале [Православна... 2004, с. 46-47, №№ 173, 176-179]. В числе прочих назначение получил иеромонах Максим, временно направленный для отправления треб в церковь Иоанна Предтечи [Лиман 2007, с. 249-253; Православна... 2004, № 327].

На протяжении нескольких десятилетий церковь Иоанна Предтечи оставалась единственным городским храмом⁴, хотя население Керчи заметно возросло уже к концу XVIII в. По данным подполковника Р. Н. Томилова, на момент вступления русских войск (21 июня 1771 г.), в городе проживало 16 греческих семей, а в 1774 г. 75 греков [Томилов 1868, с. 192]. В 1775-1776 гг. в Керчи, Ени-Кале и Таганроге были размещены греки «Албанского» войска и члены их семей (около 1500 человек) [Сборник... 1868, с. 304-305; Пряхин 1993, с. 108; Араджиони 2007, с. 649; Быковская 1993, с. 30-33; Быковская 2006, с. 289]. Согласно данным, приведенным в «Описании городов и уездов Азовской губернии», время составления которого определяется между 1779 г. февралем-мартом 1783 г., в крепостях Керчь и Ени-Кале проживали 389 купцов, мещан, цеховых и разного звания жителей [Мурзакевич 1853, с. 294; Гедьо 2006, с. 354-355]. В 1784 г. приход керченской церкви насчитывал 31 двор [Макаревский 1880, с. 1048]. После 1791 г. в Ени-Кале и отчасти в Керчи стали селиться отставники «Албанского войска» [Сафонов 1844, с. 224]. В 1794 г. по клировой ведомости при керченской церкви числилось уже 48 дворов и 366 прихожан [Лебединцев 1883, с. 207]. Фактически, не уступал ему по численности и приход Успенской церкви в Ени-Кале, насчитывавший 359 человек [Лебединцев 1883, с. 208]. Однако, уже через пять лет Керчь, по свидетельствам современников, была «приведена в крайнюю нищету и бедность» [Кларк 1999, с. 21]. В период между 1799-1802 гг. в городе имелось всего от 80 до 100 принадлежащих грекам «неважных и скудных домов», а число прихожан сократилось до 321 [Родионов 1872, с. 72-73; Сумароков 1800, с. 70; Сумароков 1805, с. 106; Лебединцев 1883, с. 211]. Население Ени-Кале, напротив, заметно увеличилось и достигло 533 жителей [Лебединцев 1883, с. 211], а в 1802 г., согласно сведениям П. И. Сумарокова, проживало 415 греков и 268 русских мещан [Сумароков 1805, с. 121]. Поэтому новый соборный храм, освященный во имя Успения Богородицы (с приделом во имя Николая Чудотворца), был возведен в форштадте крепости Ени-

⁴ В конце XVII – начале XVIII вв. в Керчи, если доверять сведениям К. И. Крюйса и И. Э. Тунманна, было два христианских храма [Крейс 1830, с. 392; Тунманн 1936, с. 44], но к 1771 г. остался один – церковь Иоанна Предтечи [Томилов 1868, с. 192]. Только в 1821 г., в связи с учреждением Керчь-Еникальского градоначальства, «для жителей Русских» был устроен «субогий молитвенный дом» [Дюбрюкс 1858, с. 16; Ашик 1863, с. 912; Серафимов 1863, с. 923; Справочная... 1886, с. 248].

Кале⁵, а керченскую церковь, которая уже не способна была вместить всех верующих, решили реконструировать, увеличив ее внутреннее пространство за счет западной пристройки с хорами и колокольней.

Согласно сведениям, полученным епископом Гермогеном, строительные работы велись на протяжении 1801-1804 гг. [Справочная... 1886, с. 249]. Однако, чаще всего, завершение работ по ее реконструкции относят к 1801 г., хотя документов фиксирующих эту дату, а также указывающих на период, в течение которого был перестроен храм, никто пока еще не привел [Мурзакевич 1837, с. 682; Гавриил 1844, с. 323; Гавриил 1848, с. 198; Рыдзевский 1868, с. 460]. Отчасти их восполняют путевые записки путешественников, посетивших Керчь на рубеже XVIII-XIX вв. В 1799 г. П. И. Сумароков и В. В. Измайлов характеризуют церковь как старинную, «весьма не обширную» и темную постройку с обветшавшими наружными стенами [Сумароков 1800, с. 70; Измайлов 1805, письмо XXVII, с. 107], но уже спустя год М. Е.-Д. Кларк обратил внимание на множество «греческих барельефов», собранных для ее ремонта [Кларк 1999, с. 29]. Таким образом, работы по ее реконструкции, по крайней мере, их подготовительный цикл, были начаты в 1800 г. уже после того как была возведена новая церковь в Ени-Кале.

В качестве источника, указывающего на время окончания основных работ, можно использовать акварель И.А. Иванова (рис. 1)⁶ и рисунок из путевой тетради № 2 Н.А. Львова [Тункина 2002, с. 67; Керчь... 1993; Дюбрюкс 2010, II, рис. 28]. На момент их пребывания в Керчи, то есть к августу 1803 г., пристройка, насколько можно судить по рисункам, уже была возведена. Недостроенной показана только колокольня, площадка звонницы которой изображена без перекрытия⁷.

⁵ Церковь была возведена в 1797 г. или в 1799 г. на месте мечети [Сумароков 1800, с. 72; Сумароков 1805, рис. 17; Мурзакевич 1837, с. 681; Справочная... 1886, с. 255; Говоров 1897; Гавриил 1848, с. 203-204; Таврические... 1886, с. 127; Белик 2010, с. 442] и небольшой промежуток времени функционировала вместе со старой церковью, размещавшейся с 1771 г. в здании крепостной мечети [Сумароков 1800, с. 72; Лашков 1916, с. 174; Белик 2007, с. 20; Паллас 1999, с. 123; Гавриил 1848, с. 204; Православна... 2004, № 325]. В ноябре 1799 г. крепостной храм был упразднен [Белик, Ткачук 2007, с. 533; Белик 2010, с. 441]. В этом же году, по сведениям, представленным архиепископу Гавриилу, новая церковь была освящена по благословению Христофора, епископа Феодосийского (18 апреля 1798-16 октября 1799 гг.) [Гавриил 1848, с. 203].

⁶ Л. М. Лазенкова приписывает авторство работы Михаилу Матвеевичу Иванову (1748-1823) [Лазенкова 2005, с. 123]. Однако, серия крымских пейзажей была написана им в 1783 г., то есть запечатлеть церковь с пристройкой он не мог.

⁷ Еще один рисунок церкви со стороны северного фасада опубликован Е. Ф. де Вильнёвым в 1853 г. [Villeneuve 1853, pl. 40]. На литографированном рисунке неизвестного автора и гравюре Н. Я. Саблина (1730-1808), относящихся к концу XVIII в., церковь изображена без каких-либо пристроек [Лазенкова 2005, с. 121, 123; Санжаровец 2007, с. 41]. Дискуссионным остается вопрос о форме купола церкви после ее реконструк-

Одно из первых, хотя и очень кратких, описаний западной пристройки оставил Ф. Дюбуа де Монпере: «... ее портик с хорами имеет ширину большого нефа... он окружен с трех сторон высокими аркадами. Хоры освещены большим квадратным окном» [Дюбуа де Монпере 2009, с. 15]. Еще более лаконичен Г. В. Гераков, посетивший Керчь в 1820 г.: «пристройка, недавно сделанная для помещения большого числа христиан, также весьма красива» [Гераков 1828, с. 119]. Более детальное представление о ней, помимо рисунков И. А. Иванова и Н. А. Львова, мы имеем благодаря чертежам Рыдзевского, литографии А. Шульце и, отчасти, рисунку Ф. Дюбуа де Монпере [Рыдзевский 1868, фиг. 1; 2; 3; ЗООИД 1883, табл. III; Дюбрюкс 2010, II, рис. 29]. В южной и северной стене западной пристройки были прорезаны прямоугольные окна, расположенные в два яруса. Лишенные декора стены оживляли лопатки, профилированные тяги и карнизы. Кровля, как и в древней части церкви, была покрыта черепицей. Четырьмя колоннами пристройка была разделена на три нефа. Перекрытие представляло собой систему полуциркулярных сводов. В западной части пристройки были устроены хоры. С этой же стороны к ней примыкала колокольня, представлявшая собой облегченную двухъярусную конструкцию с четырехскатной пирамидальной крышей. На открытую и огражденную невысокой балюстрадой площадку звонницы вела крутая двухмаршевая лестница [Протоколы... 1909, с. 71; Рыдзевский 1868, фиг. 2; Дюбрюкс 2010, II, рис. 29].

Впервые о колокольне упомянул керченский градоначальник (1826-1828) Ф. Ф. Вигель, но ошибочно посчитал, что «при турках», когда церковь была превращена в мечеть, она изначально служила минаретом [Механиков 2006, с. 473]. По его же сведениям, первый

на рисунках И. А. Иванова и Н. А. Львова он изображен в виде «луковицы», однако на других, известных нам рисунках и чертежах церкви конца XVIII – первой половины XIX вв., он имеет полусферическую форму [Свиньин 1828, с. 360, рис. XXXVII; Дюбрюкс 2010, II, рис. 11; Рыдзевский 1868, фиг. 2; ЗООИД 1883, табл. III; Лазенкова 2007, с. 35, 37; Лазенкова 2005, с. 121; Санжаровец 2007, с. 41; Челеби 2008, с. 193]. К числу достаточно редких рисунков Керчи начала XIX в., на которых якобы изображена церковь Иоанна Предтечи, нередко относят литографии, опубликованные во французской брошюре 1819 г. и в сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство» [Соур... 1819; Ашик 1848, I, табл. I]. Однако, создается впечатление, что на них изображена другая постройка или же экстерьер церкви искажен художниками до неузнаваемости. В 1848 г. к анализу этих двух, несомненно, одновременных и имеющих существенные отличия, литографий обратился Е. П. Шевелев, но ошибочно посчитал, что А. Б. Ашик скопировал приведенную в своем труде литографию с французского издания. По мнению исследователя, «фантастические изображения городских построек ничего не имели общего с действительностью, а церковь Иоанна Предтечи «никогда не была обращена в католический костел, каким она изображена». Более реалистичным Е. П. Шевелев считал рисунок Керчи, сделанный Э. В. Тетбу де Мариньи [Шевелев 1848, с. 738].

керченский градоначальник полковник Е. И. Фон-Ден⁸ «... с негодованием видя древнюю церковь, из дикого камня построенную, почерневшую от столетий, мимо ее пролетевших, скорее велел ее белить» [Механиков 2006, с. 473; Керчь... 1893, с. 45]. Со временем это стало обычной практикой и, насколько можно судить по фотографиям, стены древней части церкви обновляли побелкой вплоть до 30-х годов прошлого столетия [Брунов 1928, рис. 2; Якобсон 1958, рис. 20; Протоколы... 1909, рис. 39; Рыдзевский 1868, с. 464]. В связи с этим малоизвестным фактом истории церкви весьма любопытными представляются воспоминания английского путешественника Роберта Лайелла. На момент его пребывания в Керчи, то есть летом 1822 г., «...были недавно отремонтированы» не только церковь, но и стены «Генуэзской крепости» [Layall 1825, p. 376].

В 20-е годы XIX в. Керчь вступила в полосу экономического подъема, что способствовало бурному росту населения. Если в 1817 г. число ее жителей не превышало 600 человек, то к середине 30-х гг. возросло до 3000 [Дюбрюкс 1858, с. 25; Дюбрюкс 2010, I, с. 289; Мармон 1840, с. 236]. Вскоре, единственная, если не считать небольшого, устроенного в 1821 г. молитвенного дома, функционировавшая в то время в городе церковь Иоанна Предтечи уже не могла вместить всех прихожан [Дюбрюкс 2010, I, с. 292]. В 1829 г. архиепископ Гавриил, во время своего посещения Керчи, убедил его жителей, возвести «приличный храм» [Серафимов 1863, с. 927]. Новое здание

⁸ Ефим Иванович Фон-Ден полковник, статский советник, керченский (1821-1823) и феодосийский (25 июля-23 ноября 1825 г.) градоначальник [Дмитриев 2002, с. 19; Гейман 1916, с. 100-101].

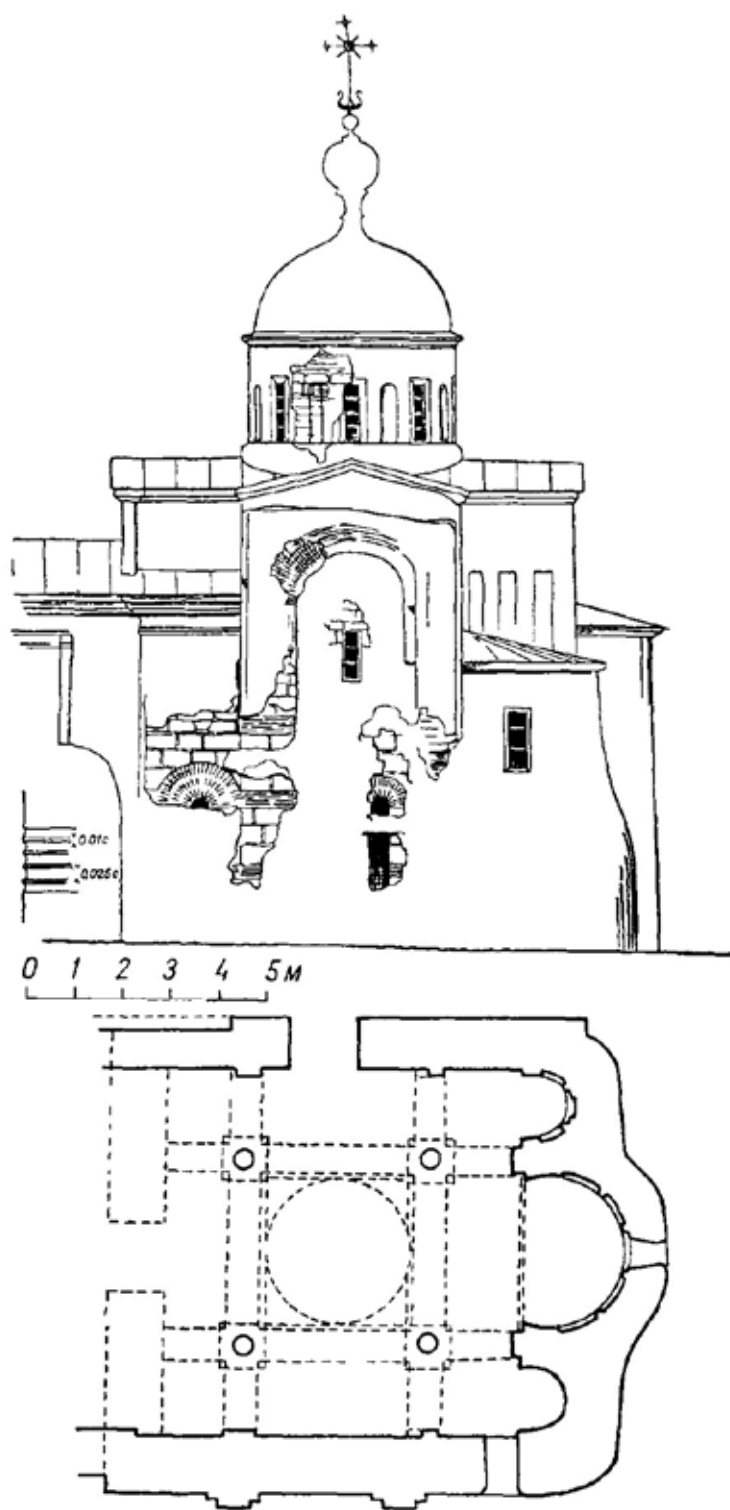

Рис. 2. Церковь Иоанна Предтечи. Южный фасад и план восточной части церкви (по П. П. Покрышкину).

церкви во имя пресвятой Троицы при содействии И. А. Стемпковского было заложено 29 мая 1832 г. (по другим данным в 1829 г.) и сооружено на средства горожан и пособие от правительства в 1835 г. [Дюбрюкс 1858, с. 16; Гавриил 1848, с. 209; Справочная... 1886, с. 248; Зенкевич 1894, с. 53; Ашик 1863, с. 912; Серафимов 1863, с. 927; Дюбрюкс 2010, I, с. 91, прим. 1].

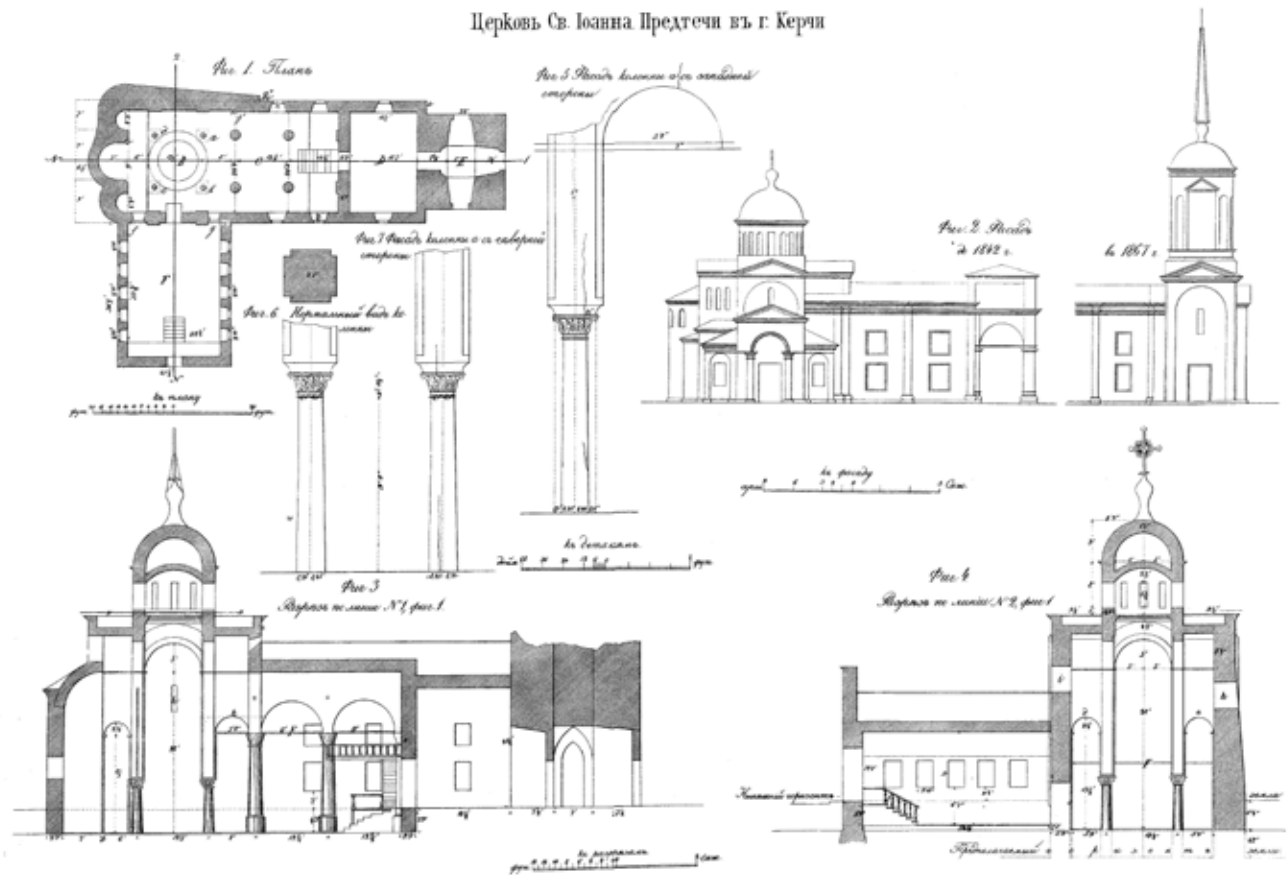

Рис. 3. Церковь Иоанна Предтечи. План, фасады, разрезы и архитектурные детали (по Рыздзевский, 1868).

Одновременно со строительством нового храма было принято решение расширить церковь Иоанна Предтечи, и в 1835 г. (по другим данным в 1832-1834 гг. или 1834 г.) ее внутреннее пространство увеличили за счет северной пристройки [Рыздзевский 1868, с. 461, фиг. 1; 2; 4; Справочная... 1886, с. 249; Протоколы... 1909, с. 69, 74; Зенкевич 1894, с. 145; Прозоровский 1913, с. 46; Лазенкова 2005, с. 122]. До ее сооружения на этом месте находился боковой вход с ведущими вниз ступенями. Со слов Шарля Жильбера Ромма и судя по рисункам И. А. Иванова и Н. А. Львова, навес над ним поддерживался двумя столбами и был перекрыт на три ската черепичной крышей, увенчанной шестиконечным крестом [Ромм 1941, с. 50; Керчь... 1993; Дюбрюкс 2010, II, рис. 28]. О «боковой северной двери» и пристройке 1801 г. упоминает Ф. Дюбуа де Монпере, но хранит полное молчание о северной пристройке [Дюбуа де Монпере 2009, с. 16]. Это в очередной раз подтверждает, что в 1834 г., когда путешественник во второй раз посетил Керчь, ее еще не возвели.

Сооруженная в 1835 г. пристройка имела в плане прямоугольную форму и была ориентирована поперек оси церкви, благодаря чему, по образному выражению священника Пажимова, последняя «получила вид глагола» [Лазенкова 2005, с. 122]. Восточная и западная ее стены были прорезаны пятью прямоугольными окнами, а северная стена украшена декоративными нишами. Полуциркульный портал входа был обрамлен пилястрами

и увенчан фронтоном. В северной части пристройки, уровень пола которой был устроен гораздо ниже уровня дневной поверхности, находилась лестница.

В первой трети XIX в. изменился и окружающий церковь городской ландшафт. До этого уже несколько столетий она находилась внутри турецкой крепости, в непосредственной близости от ее южной куртины. К северу от нее теснились, разделенные кривыми улочками, кварталы [Михайлова 1976, рис. 1; Дюбрюкс 2010, II, рис. 9; 10]. В 1821 г. одесским архитектором Франсуа Шалем под руководством инженер-полковника (впоследствии генерал-лейтенанта Корпуса инженеров путей сообщения) К. И. Потье был разработан генеральный план реконструкции города, утвержденный в декабре этого же года Александром I. На месте снесенной в 1829 г. крепости [Тункина 1999, с. 51; Шкорпил 1914, с. 16] разбили восьмигранную площадь, окруженную галереями, поддерживаемой колоннами и пилястрами⁹. Основной ее доминантой стала греческая церковь. Однако, этот план имел ряд недостатков, к тому же, Керчь так и не стала, как предполагалось, губернским городом [Михайлова 1996а, с. 32; Шквариков 1954, с. 191-194]. Поэтому в 1830-1832 гг., не отвечавший условиям местности и административному статусу Керчи проект Ф.

⁹ См: рисунок из путевого альбома Ф. Дюбуа де Монпере (10 июля 1832 г.) [Дюбрюкс 2010, II, рис. 11] и рисунки Н. Г. Чернецова (между 1833-1836 гг.) [Лазенкова 2007, с. 35, 37; Воронов, Михайлова 1983, с. 80-81; Мисайлиди 2008, с. 89-91].

Шалья, был скорректирован и в измененном виде в 1834 г. утвержден Николаем I [Михайлова 1976, с. 53, рис. 5; Михайлова 1996б, с. 103]. В основу доработанного плана, легла идея «связи времен», разработанная И. А. Стемповским, П. А. Дюбрюксом, И. П. Бларамбергом, и воплощенная городским архитектором А. Дигби¹⁰. После перепланировки церковь оказалась внутри одного из кварталов, образующих Предтеченскую площадь, а сооруженная А. Дигби колокольня замкнула перспективу подходящей к ней Воронцовской улицы [Михайлова 1976, с. 51-54; Воронов, Михайлова 1983, с. 73-75; Дюбрюкс 2010, II, рис. 417]. Тогда же церковь Иоанна Предтечи получила право на застройку прилегающих к ней территорий, на что в течение трех лет было израсходовано 18477 руб. При этом, большая часть затраченных сумм поступила в виде пожертвований от прихожан. К началу 1834 г. вокруг церкви были сооружены новая каменная ограда с двумя воротами, четыре, обращенных к набережной, больших магазина, четыре лавки и один дом. Все постройки были покрыты черепицей и оштукатурены¹¹. В 1835 г. на месте старых церковных лавок возвели новые. К 1837 г. церковь Иоанна Предтечи стала самым богатым храмом в Крыму, доходы которого от аренды торговых помещений, пожертвования прихожан и кошелевые сборы составили 4478 руб. 84 коп. [Сухарев 1998, с. 446-447].

В 1845 г. (по другим данным в 1842 г.) церковь в очередной раз подверглась реконструкции. На месте старой, полностью разобранной колокольни, возвели притвор, а с запада к нему пристроили новую колокольню [Рыдзевский 1868, с. 461, фиг. 1; 2; 3; Протоколы... 1909, с. 69; Справочная... 1886, с. 249; Михайлова 1980, с. 87, рис. 7]. К сожалению, о времени начала строительных работ никто из современников не сообщает, хотя, со слов А. Б. Ашика, можно предположить, что к реконструкции церкви приступили уже в 1839 г. [Ашик 1848, I, с. 87, прим. 1]¹². Притвор имел в плане прямоугольную форму и был вытянут поперек оси храма. В северной и южной его стенах прорезали парные окна, которые, помимо своего прямого назначения, несли декоративную нагрузку.

¹⁰ Об Александре Дигби (1758 – не ранее 1843) и его деятельности в Керчи как городского архитектора см.: Михайлова 1980; Михайлова 2007.

¹¹ Некоторое представление о планировке церковного двора и большей части, возведенных к 1834 г. построек дает рисунок из путевого дневника Ф. Дюбуа де Монпере, датированный 10 июля 1832 г. [Дюбрюкс 2010, II, рис. 11]. К юго-западу от церкви одновременно возводят новые жилые постройки. В 1833 г. к строительству дома здесь приступил керченский купец 1-ой гильдии, почетный гражданин города Петр Васильевич Митров. При сооружении погреба на отведенном ему участке «не далее 50 саженей» от церкви Иоанна Предтечи были обнаружены остатки средневековых построек, одна из которых представляла собой трехапсидный христианский храм [Ашик 1848, I, с. 26, прим. 1; Шевелев 1848, с. 731-732; Филипсон 1884, с. 350-351; Науменко, Пономарев 2010, с. 88-89; Дюбрюкс 2010, I, с. 290, 291, 340].

¹² Е. В. Крикун ошибочно относит строительство притвора и колокольни к 1834 г. [1977, с. 14].

Их украшали полуколонны, а вертикаль акцентировали арками и расположенными под ними прямоугольными нишами. Такие же окна украсили реконструированные фасады пристройки 1801 г. [Памятники... 1985, с. 277]. Спроектированная в 1841 г. Александром Дигби колокольня имела двухъярусную конструкцию. По замыслу автора она должна была объединить классический стиль и формы, близкие архитектуре древних византийских храмов. На уровне первого яруса колокольня имела в плане прямоугольную форму. В северной и западной стене были прорезаны дверные проемы и узкие прямоугольные окна. Фасады были украшены высокими нишами с полуциркульным сводом и фронтонами. Барабан звонницы расчленили четыре высоких, украшенных сандриками и фронтонами, окна с полуциркульным сводом. Между ними находились четыре узкие ниши [Памятники... 1985, с. 277]. Колокольню венчал полусферический купол, отделенный от барабана профилированным карнизом. В первое время на звоннице было четыре колокола¹³, а в 1850 г. добавилось еще два. Один из них, весом около 1,8 т, судя по надписи, был пожертвован купцом Григорием Самохваловым [Лазенкова 2005, с. 122]¹⁴.

Последней крупной реконструкции церковь подверглась в конце 80 сер. 90 гг. XIX в. В 1884 г., в связи с предстоящим ремонтом, ее обследовал академик архитектуры А. А. Авдеев. В процессе работ он произвел пробные расчистки небольших участков внутренних стен и заложил два разведочных шурфа. В одном из них была зачищена база северо-восточной колонны и прослежен уровень древнего пола. В другом шурфе, заложенном у северо-восточного угла церкви, на глубине 1,6 м удалось выйти на уровень фундаментов ее стен. В качестве первоочередных мер по реставрации церкви, он предложил освободить ее от позднейших пристроек, очистить от поздних наслоений штукатурки наружные фасады, восстановить, разрушенную в начале XIX в. западную стену древней части храма, углубить почву вокруг его основания, настелить мраморный пол на той высоте, на которой он изначально находился, изготовить новую алтарную преграду и очистить внутренние стены, где, по его мнению, могли быть найдены фрески [Авдеев 1887, с. 383-386].

В 1889 г. наблюдать за ходом реконструкции храма, по заявлению члена ТУАК А. В. Новикова¹⁵, был командирован Н. П. Кондаков. Из его отчета следует, что в процессе ремонта деревянный пол западной пристройки 1801 г., уложенный на три ступени выше мраморного пола в восточной (древнейшей) части храма, был понижен до одного с ним уровня. В дальнейшем Н. П.

¹³ Четыре колокола были включены в реестр имущества церкви, принятого еще в 1778 г. [Православна... 2004, № 325], но, где они размещались, остается загадкой.

¹⁴ Вероятно, речь идет о Григории Дмитриевиче Самохвалове, воронежском купце 2-ой гильдии.

¹⁵ Краткая биография Александра Васильевича Новикова (1843-1916) опубликована В. Н. Боровковой [Боровкова 1999, с. 74-79].

Кондакову предложили изучить возможность еще раз понизить пол, но уже до уровня основания мраморных колонн. Однако, ввиду отсутствия «опытного архитектора, который взялся бы подвести тамбуры под колонны новой пристройки», находившиеся на более высоком уровне, он ее отклонил [Протоколы... 1909, с. 70]. Во время ремонта в «земле церкви»(?) были найдены плиты древней солеи. Н. П. Кондаков предписал «сохранить их в особой пристройке», но, насколько нам известно, его указание не было выполнено [Протоколы... 1909, с. 70]. Одновременно он предпринял безуспешную попытку предотвратить разрушение эпитафии Кириака, обязав причт и старосту церкви стянуть треснувшую колонну железными обручами и закрыть надпись стеклянным футляром [Протоколы... 1909, с. 70]. Впрочем, еще задолго до Н. П. Кондакова на аварийное состояние одной из колонн указал Рыздзевский, при этом отметил, что дальнейшее исследование этого вопроса и изыскание средств на ремонт необходимо возложить на особую комиссию [Рыздзевский 1868, с. 464-465].

В 1892 г. северную пристройку обратили в придел (боковой алтарь), тогда же, по некоторым сведениям, перестроили его северное крыльцо [Протоколы... 1909, с. 74; Лазенкова 2005, с. 123]. 13(25) ноября 1893 г., в память избавления от смерти в 1891 г. в г. Отсу наследника цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II), северный придел был освящен во имя святителя Николая Чудотворца и св. великомученицы Екатерины. Спустя два года, на средства семьи К. И. Месаксуды, была предпринята его реконструкция, завершившаяся в 1896 г. [Протоколы... 1909, с. 69, 74]. Работы начались без ведома и согласования с Императорской Археологической комиссией, направившей по этому поводу 8 января 1896 г. в Таврическую Духовную Консисторию официальный запрос [Протоколы... 1909, с. 74]. По ее сведениям, при рытье траншей, под фундаменты пристройки были найдены «мраморы и вещи, переданные по описи в Керченский музей древностей». Обнаруженные весной 1895 г. «мраморы» представляли собой две поврежденные плиты из белого мрамора с надписями: посвящением Фарнака Зевсу Генарху и посвящением статуи императору Августу Динамией [Латышев 1899, №№ 2, 3, с. 53-56; IOSPE, №№ 200, 201; КБН, №№ 29, 38]. Характер других находок установить не удалось, хотя известно, что в этом же году директором Керченского музея К. Е. Думбергом, в пределах территории, отведенной под расширение придела, было раскопано несколько плитовых средневековых могил [Залесская 1995, с. 26-28; Залесская 1997, с. 17].

Автором проекта северного придела стал Амбарцум Иванович Карапетов¹⁶. Согласно его замыслу он был

¹⁶ Амбарцум Иванович Карапетов (1853-?) в 1876-1881 гг. обучался в Академии художеств, в 1882 г. получил звание классного художника III степени. В конце XIX – начале XX вв. работал в Тамбовской и Таврической губерниях. В Крыму по его проекту сооружены колокольня Свято-Ильинского храма в г. Саки (1894), здание Казенной палаты в Симферополе (1900), Семинарская церковь Трех Святителей при Духовной семина-

расширен к западу, благодаря чему внутренние размеры придела увеличились едва ли не вдвое. С востока и запада к нему пристроили два полукруглых выступа [Макарова 1998, рис. 2]. Западный выступ расчленили три высоких окна с полукруглыми сводами, разделенные двумя полуколоннами. По бокам окон располагались неглубокие ниши. В восточном выступе такие же ниши обрамляли центральное окно. С северной стороны придела находился прямоугольный тамбур, арочный портал которого оформили в виде уступов и украсили полуколоннами [Памятники... 1985, с. 278].

После того, как в 1896 г. была возведена северная пристройка, церковный причт и староста «ради симметрии, идя навстречу жертвователям гг. Месаксуды» ходатайствовали о сооружении такой же пристройки с юга [Макарова 2006, рис. на с. 159]. Однако, Императорская Археологическая комиссия такого разрешения не дала и рекомендовала расширить церковь с запада. Повторно к этому вопросу вернулись в 1898 г.¹⁷, а затем в 1908 и 1909 гг., когда наследники керченского предпринимателя и мецената К. И. Месаксуды (1832 или 1833?-1908) вновь попытались получить разрешение на строительство южного придела в честь св. Константина, внутри которого они планировали устроить семейный склеп [Санжаровец 2006, с. 40; Протоколы... 1909, с. 74]. При этом в ходатайствах указывалось, что древние кладки со стороны южного фасада церкви или не сохранились или сильно повреждены, и, в таком случае, пристройка позволит их реставрировать и укрепить. В связи с намечавшимися работами и проверкой этих сведений, в Керчь, с целью архитектурно-технического обследования церкви, направили архитектора ИАК и реставратора П. П. Покрышкина. В заключительной части отчета об осмотре церкви (20-23 марта 1909 г.) исследователь опровергнул доводы об отсутствии древней кладки в южной стене, признал недостаточную изученность храма, а также указал на необходимость очистки стен от более поздних наслоений и проведения раскопок «кругом пощаженных судьбою стен его» [Протоколы... 1909, с. 74] (рис. 2). Таким образом, очередная, и, ставшая последней, попытка расширения церкви успехом не увенчалась. Протоколом реставрационного заседания ИАК было постановлено: 1) разрешить расширение церкви только со стороны западной пристройки 1845 г.; 2) согласовать проект такого расширения с ИАК; 3) рекомендовать освободить наружные стены древней части церкви от штукатурки и производить дальнейшие ремонты под наблюдением

рии в Симферополе (1903), церковь св. Луки в с. Лаки (1904), церковь Вознесения Господня (ныне Успения Пресвятой Богородицы) в Керчи (1907).

¹⁷ Л. М. Лазенкова, используя материалы из рукописного архива ИИМК, излагает эти события в несколько иной версии, согласно которой в 1895 г. Таврическая Духовная консистория ходатайствовала перед ИАК о возведении южного придела и в 1898 г. вопрос был решен положительно. Однако проект не был осуществлен ввиду отсутствия средств [Лазенкова 2005, с. 123].

представителя ИАК [Протоколы... 1909, с. 74].

Тем не менее, спустя год церковь вновь привлекла внимание ИАК. На одном из заседаний, состоявшемся 27 октября 1910 г., было рассмотрено отношение директора Керченского музея древностей В. В. Шкорпила, в котором излагалось ходатайство причта церкви о разрешении устроить в западном притворе хоры для певчих с винтовой лестницей. В целом проект не вызвал возражений, но лестницу рекомендовали разместить в колокольне [Протоколы... 1911, с. 40].

Постепенное расширение внутреннего пространства церкви, обновление внутреннего убранства и текущие мелкие ремонты неизменно затрагивали и ее интерьер. К сожалению, реконструировать его в полном объеме и проследить динамику изменений, не представляется возможным. Среди немногочисленных источников, благодаря которым мы можем отчасти восстановить интерьер, наиболее информативными являются записки и воспоминания путешественников, справочная литература и немногочисленные научные публикации, посвященные церкви. В значительной степени их дополняют дошедшие до нас изображения и фотографии внутренней части церкви [ЗООИД 1883, табл. IV; Брунов 1928, рис. 3; 4], а также материалы археологических раскопок 1976 и 1980 гг. [Макарова 1998].

С конца XVIII в. едва ли не каждый исследователь и путешественник, попадая в храм, обращал внимание на поддерживающие купол четыре мраморные колонны с византийско-коринфскими капителями [Ромм 1941, с. 51; Паллас 1999, с. 121; Ашик 1848, III, табл. СХIV, СХVII; Рыдзевский 1868, фиг. 5; Гайдукевич 1940, рис. 11; Тиханова-Клименко 1926, с. 5]. На одной из них Ш. Ж. Ромм и Ф. К. Маршал фон Биберштейн заметили полустертую греческую надпись – эпитафию Кириака 757 г. [Петрова, Прохорова 2011, с. 96-97; Дюбрюкс 2010, II, рис. 27]. В 1800 г. П. И. Сумароков привел ее неточный и неполный перевод. По его мнению, она свидетельствовала о «древности сего оскудевшего храма» [Сумароков 1800, с. 71; Сумароков 1805, с. 107]. Таким образом, он стал первым среди исследователей, считавших, что Кириак был похоронен в стенах церкви, на основании чего год, указанный в эпитафии, стал восприниматься как указание на время сооружения храма [Clarke 1817, II, p. 123; Кларк 1999, с. 30; Dubois de Montpereux 1843a, V, 113; Дюбуа де Монпере 2009, с. 14; Ашик 1850, с. 177; Рыдзевский 1868, с. 455; Шкорпил 1908, с. 66]. Спустя четыре десятилетия к надписи обратился Н. Н. Мурзакевич, но, в отличие от П. И. Сумарокова, пришел к выводу, что колонны, уже будучи с надписью, были вывезены из другого места, вероятно Малой Азии. Саму церковь он отнес к X в. [Мурзакевич 1844a, с. 625-626; Церковь... 1856, с. 441, прим. 4; Указатель... 1851, с. 7], но предложенная им дата, за редким исключением, осталась незамеченной современниками [Ашик 1849, III, с. 52; Ашик 1850, с. 177; Беккер 1853, с. 351; Федоров 1855, с. 178-179; Neumann 1855, I, p. 89-90; Сибирский 1867, с. 71, прим. 1; Брун 1880, II, с. 311; Авдеев

1887, с. 383]. В последней четверти XIX – начале XX вв. некоторые выводы Н. Н. Мурзакевича поддержали Н. П. Кондаков, А. Л. Бертье-Делагард, В. В. Латышев и В. В. Шкорпил. Они согласились с тем, что колонна попала в церковь уже с надписью, но предложили в качестве даты ее постройки IX-X вв., XI в. и XII-XIII вв. [Кондаков 1877, с. 16, 25; Протоколы... 1909, с. 69; Толстой, Кондаков 1891, с. 32; Бертье-Делагард 1893, с. 49, прим. 4; Латышев 1896, с. 93-95; Латышев 1897, с. 157-158; Шкорпил 1908, с. 66, прим. 23; Шкорпил 1912, с. 20]¹⁸. В одной из последних своих работ А. Л. Бертье-Делагард уточнил, что церковь «хотя, вероятно, и не в таком виде, как нам досталась», существовала уже в период правления в Тмутаракани князя Глеба [Бертье-Делагард 1918, с. 49]. Однако, дискуссия на этом не прекратилась. Среди сторонников ранней даты церкви оказались не только ученые, но и авторы многочисленных популярных изданий и путеводителей [Кулаковский 1896, с. 200, прим. 42; Головкинский 1894, с. 382-383; Живописная... 1898, с. 286; Васильевский 1915, с. 268; Новосадский 1910, с. 3-4; Керчь... 1907, с. 10-11; Крым... 1914, с. 636]. В настоящее время установлено, что капители, колонны и их базы имели сборный характер и попали в церковь из более ранних разрушенных построек, в том числе, вероятно, базилики, одна из апсид которой и фрагменты стен были найдены при раскопках церкви Иоанна Предтечи [Тиханова-Клименко 1926, с. 5-6; Протоколы... 1909, с. 69-70; Якобсон 1959, с. 29-30; Домбровский 1963, с. 82-83; Bortoli-Kazanski 1981, p. 62; Веймарн 1957, с. 4; Макарова 1998, с. 386, 388].

Гораздо реже в литературе упоминаются две мраморные небольшие колонны с высеченными на них крестами, которые в настоящее время установлены по бокам входа в древнейшую часть храма [Clarke 1817, II, с. 123; Кларк 1999, с. 30-31; Рыдзевский 1868, с. 466; Авдеев 1887, с. 383; Брунов 1928, с. 88]. По сведениям Рыдзевского и А. А. Авдеева, изначально они были «вкопаны в землю» у западного входа «новой пристройки» [Рыдзевский 1868, с. 466; Авдеев 1887, с. 383] (рис. 3). В 80-е годы XIX в., возможно, незадолго до очередного ремонта церкви, их по какой-то причине демонтировали. В 1889 г. две колонны «меньшего размера... от древнего наружного притвора» во дворе церкви нашел Н. П. Кондаков и обязал причт и старосту установить их на паперти [Протоколы... 1909, с. 70]. Вскоре колон-

¹⁸ И. М. Муравьев-Апостол, посетивший Керчь в 1820 г., и вовсе увидел в церкви памятник «генуэзского здесь владения», но каких-либо аргументов в пользу столь поздней даты не привел [Муравьев-Апостол 1823, с. 268]. Впрочем, ни одну из предложенных до конца столетия датировок церкви также нельзя признать, сколько-нибудь аргументированной. Впервые такую попытку в 20-е гг. XX в. предпринял Н. И. Брунов. Вопреки авторитетному мнению многих своих предшественников он вновь предложил датировать церковь началом - первой половиной VIII в. [Брунов 1926, с. 4; Брунов 1928, с. 87-103; Брунов 2003, с. 467-469; Брунов 1950, с. 188], тем самым положив начало качественно новому этапу дискуссии относительно времени ее сооружения.

ны вернули на прежнее место, где они и оставались, по крайней мере, до 20-х гг. следующего столетия [Брунов 1928, с. 88]. Изначально считалось, что они происходили «из древнего наружного притвора» [Авдеев 1887, с. 385; Протоколы... 1909, с. 70]. Позднее, на эту ошибку указал Н. И. Брунов [1928, с. 88]. Как и колонны, поддерживающие купол церкви, они изготовлены из проконесского мрамора и, вероятнее всего, происходят из алтарной преграды одного из храмов ранневизантийского Боспора [Голубовский 1906, л. XLVI-XLVII; Сорочан 2005, рис. 323].

Не позднее конца XVIII в. внутри церкви Иоанна Предтечи настелили новые полы из вторично использованных мраморных плит, среди которых попадались античные и средневековые архитектурные детали и надгробия [Дюбуа де Монпере 2009, с. 16; Ромм 1941, с. 51; Механиков 2006, с. 473; Рыдзевский 1868, с. 466]. По словам Хр. Хр. Зенкевича, мраморный настил представлял собой чередующиеся белые и черные(?) квадраты [Зенкевич 1894, с. 145]. Разобран он был только в 1976 г., во время реставрационных работ внутри церкви. Гораздо раньше, возможно в 30-е гг. XX в., был уничтожен пол в алтаре, выложенный, по свидетельству очевидцев, из плит разноцветного мрамора [Макарова 1998, с. 387]. В процессе раскопок внутри церкви удалось установить, что мраморные плиты нивелировал слой песка и раствора, ниже которого залегал аморфный слой с кусками штукатурки – следами предшествующего ремонта [Макарова 1998, с. 383]. На протяжении столетий уровень пола неоднократно поднимался, причиной чему служил уровень дневной поверхности вокруг церкви, выросший, как показали промеры на участке южного фасада, к 20-м годам XX в. на 1,68 м [Брунов 1928, с. 87]. На это еще в 1786 г. обратил внимание Шарль Жильбер Ромм, описавший свои наблюдения следующим образом: «Пьедестал (колонн – авт.) ушел в землю фута на 4, так как церковный пол находился прежде на такой именно глубине, его подняли, не трогая колонн, и предпочтя их частично засыпать» [Ромм 1941, с. 49]. По сведениям архиепископа Гавриила и Рыдзевского, он был приподнят на 2 аршина относительно баз колонн [Гавриил 1844, с. 323; Рыдзевский 1868, с. 465]. Согласно же данным раскопок, произведенным «в недалеком расстоянии от церкви», материк, на котором находились колонны и фундаменты стен, фиксировался на 4 аршина ниже уровня дневной поверхности. При этом Рыдзевский ошибочно считал, что материком для них служила скала [Рыдзевский 1868, с. 462, 465, 467]. В 80-е годы XIX в. исследования в этом направлении продолжил А. А. Авдеев. Около северо-восточной колонны он заложил небольшой шурф и на глубине «13 вершков», а по другим данным «1 аршина и 1 вершка» (от 0,6 до 0,75 м), обнаружил мраморную базу «с четырехугольной плитой под ней находящуюся» [Авдеев 1887, с. 383; Протоколы... 1909, с. 71]. Позднее, Н. П. Кондаков установил, что разница между уровнями полов к концу XIX в. составляла 0,74 м [Протоколы... 1909, с. 70]. Спу-

стя столетие результаты его промеров подтвердила Т. И. Макарова. Раскрытые исследовательницей базы четырех мраморных колонн находились на глубине 0,75 м от мраморного пола XVIII в. [Макарова 1998, с. 386].

Не менее чем сам храм, внимание путешественников и исследователей привлекали вмонтированные в его пол и стены античные архитектурные детали и надгробия. В 1786 г. эта особенность городских построек настолько поразила Ш. Ж. Ромма, что весь город показался ему «сооруженным из обломков греческих зданий» [Ромм 1941, с. 51; Петрова, Прохорова 2011, с. 97]. В самой церкви, среди мраморных плит ее пола, Ш. Ж. Ромм обнаружил два фриза. Еще один фриз, но гораздо лучшей сохранности, был вмонтирован в лестницу северного входа. На стене, с этой же стороны, он заметил мраморную плиту с греческой надписью «ΘΕΟΝΑΥΕ ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΑΜΑΣΤΡΙΑΝΕ ΧΑΙΡΕ» [Ромм 1941, с. 51; Тункина 2002, рис. 12]. Однако, следует отметить, что едва ли не сразу, античное происхождение многих мраморных деталей, и, особенно фризов из церкви, вызвали у Ш. Ж. Ромма сомнения. Путешественник полагал, что они могли происходить «из построенной турками мечети, из развалин нескольких храмов или из какого-нибудь большого здания, которое было воздвигнуто в этой местности греками». Позднее, продолжив поездку по Крыму, он укрепился в своих сомнениях. В Бахчисрае Ж. Ромм обратил внимание на мраморные украшения общественной бани, часть которых были «такого же характера», как и у некоторых фризов, найденных им в керченской церкви. Благодаря этому обстоятельству, как пишет сам автор, он стал доверять услышанным им в Керчи рассказам о том, что большая часть мраморных украшений попали в церковь из мечети [Ромм 1941, с. 69; Петрова, Прохорова 2011, с. 118-119].

В 1794 г. несколько надгробий зарисовал П. С. Паллас и пояснил, каким образом они могли попасть в стены храма: «При раскопе фундаментов было найдено много старых могил и других древностей различного рода, срытых работавшими солдатами, а камни с надписями были ими употреблены в постройки» [Паллас 1999, с. 123; Pallas 1801, II, Т. XVII; XVIII]. Еще один мраморный барельеф с надписью «ΑΓΑΘΗ ΤΗΧΗ» П. С. Паллас нашел в доме священника, находившемся близ церкви [Паллас 1999, с. 123; Православна... 2004, № 325]. В 1793-1795 гг. к изучению лапидарных памятников Европейского и Азиатского Боспора обратился Ф. К. Маршал фон Биберштейн. Некоторые из них, в том числе и надгробия из стен церкви, были изданы им в небольшой статье «О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива» (1797 г.), но широкой известности эта работа не получила [Тункина 2002, с. 50, прим. 152; Непомнящий 2003, с. 53; Дюбрюкс 2010, II, рис. 24-26]. В 1802 г. надписи, опубликованные Ф. К. Маршалом фон Биберштейном, были переизданы М. Гатри [Тункина 2002, с. 50-52; Guthrie 1802, р. 309-327]. Краткое описание и изображения трех надгробий из северной и южной стен храма

опубликовал Л. С. Ваксель [Waxel 1803, p. 8, №№ 8-10]. На множество «греческих барельефов», вмонтированных в городские постройки и собранные для ремонта церкви, в 1800 г. обратил внимание М. Е.-Д. Кларк, при этом был возмущен варварским отношением к ним со стороны местных жителей [Кларк 1999, с. 27; Clarke 1817, I, p. 435]¹⁹. Такая же картина представилась П. И. Сумарокову. Вокруг церкви он заметил разбросанные обломки мраморных колонн и капителей, а на ее наружных стенах «грубо высеченные выпуклостью изображения» [Сумароков 1805, II, с. 108-109]. Рисунки некоторых надгробий с текстом и переводом эпитафий прилагаются к «Путевой тетради № 2» Н. А. Львова, совершившего путешествие по Крыму в августе 1803 г. [Тункина 2002, с. 67-70, рис. 12-13; Дюбрюкс 2010, II, рис. 30-31]. Несколько рисунков и «памятных записок» о керченских древностях, в том числе и надгробий в стенах церкви, сделал в 1806 г. английский путешественник Реджинальд Хебер [Храпунов 2008, с. 668]. На два барельефа в 1818 г. обратил внимание А. И. Михайловский-Данилевский [Михайловский-Данилевский 1897, с. 92]. По словам английского путешественника Роберта Лайелла, посетившего Керчь в 1822 г., вокруг церкви были собраны многочисленные фрагменты карнизов, капителей и колонн. Здесь же находилась мраморная «безголовая статуя женщины геркулесовых размеров с великолепной драпировкой» [Layall 1825, p. 376]. Четыре барельефа, из которых два «высокой работы, с именами усопших и окончанием радуйся», насчитал на стенах храма в 1825 г. П. П. Свиньин [1826, с. 458]. «Великое множество надписей, барельефов, обломков от колонн, вмазанных в стены церкви и находимых вокруг ее» позволили ему предположить, что она была построена первыми «пришедшими сюда христианами, из развалин храма знаменитого Эскулапа Пантикапейского» [Свиньин 1828, с. 24; Картины... 1839, с. 366]²⁰. Но особенно

¹⁹ «Ни в каком другом месте Крыма путешественник не встретит, вероятно, такого количества древностей, как в Керчи. .... Стены города покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми. Эти мраморные плиты используют для ступеней перед дверьми домов или, как в Еникале, они используются для строительства вперемешку с самыми грубыми материалами. Некоторые жители украсили свои двери греческими барельефами, понятия не имея об их действительной ценности и не обращая ни малейшего внимания на расположение фигур. Эти плиты устанавливаются во всех направлениях, зачастую наискось или в совершенно перевернутом положении» [Кларк 1999, с. 27].

²⁰ Таковую возможность не исключали М. Е.-Д. Кларк и Д. Мак-Ферсон [Кларк 1999, с. 28-29; Спасский 1846, с. 8; Ашик 1848, II, с. 52 Дюбуа де Монпере 2009, с. 19; Мак-Ферсон 2008, с. 159]. По мнению Н. П. Кондакова, на месте церкви мог находиться храм Аполлона [Кондаков 1877, с.25]. Во второй половине XX в. к этому вопросу вновь обратилась М. М. Кобылина. В качестве аргумента в пользу существования храма Асклепия в районе церкви она привела мраморный торс этого божества, найденный в 1958 г. при исследованиях фундаментов церкви экспедицией ИА УССР под руководством Е. В. Веймарна [Кобылина 1962, с. 180-182, рис. 1; Петрова 2002, с. 45].

внимание путешественника привлекли «женская колоссальная статуя отменно смелого резца» и «торс мужчины... гораздо низшей работы», установленные в церковном дворе [Свиньин 1826, с. 458-459; Картины... 1839, с. 366]. О надгробиях, вмонтированных среди мраморных плит пола, упоминает керченский градоначальник Ф. Ф. Вигель (1827). По его словам на некоторых из них высечены «...разные фигуры, кои служили совсем для другого употребления» [Механиков 2006, с. 473]. Как одна из достопримечательностей Греческой церкви «мраморы с разными фигурами, большей частью грубыми изображениями» включены в «Описание древним зданием, находящимся в крепости Еникальской и бывшей Керченской, и вообще на крымском берегу Таврического или Воспорского пролива», составленное 17 марта 1827 г. инженер-капитаном и командиром Еникальской инженерной команды Штиром [Дюбрюкс 2010, I, с. 55-56]. О древних барельефах на внешних стенах церкви сообщается в «Записке о древностях Таврической губернии» министру внутренних дел, составленной гражданским губернатором Тавриды Д. В. Нарышкиным (1827). Согласно полученных им от должностных лиц Керчи сведений, эти надгробия служат доказательством сооружения церкви в «позднейшие времена» и употреблены на ее постройку в виде простого строительного материала [Стивен 1891, с. 47]. Попыткой уберечь барельефы от разрушения объяснил их необычное местонахождение Ф. Дюбуа де Монпере [2009, с. 15]. В 1836 г. с лапидарными памятниками церкви ознакомился Н. Н. Мурзакевич. На северной стене пристройки 1801 г. он отметил два надгробия с изображениями и надписями: «Феонайя (дочь) Дионисия радуйся» и «Публий Косса радуйся», а на южной стене еще два надгробия без надписей [Мурзакевич 1837, с. 682-683; Тункина 2002, рис. 12; КБН, №№ 610, 496]. Спустя несколько лет о надгробиях Феонайи и Публия Коссы упомянул архиепископ [Гавриил Гавриил 1844, с. 323; Гавриил 1848, с. 198]. По мнению Рыдзевского, некоторые рельефные изображения, сохранившиеся на стенах западной пристройки, относились ко времени первых христиан, а другие принадлежали «древней Пантикапеи» [Рыдзевский 1868, с. 460, 465]. Наиболее полная сводка античных лапидарных памятников из церкви приведена в сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство», изданном в 1848 г. В их числе посвятельная надпись Кая Силана на мраморной колонне, обнаруженная в 1839 г. внутри церкви или недалеко от нее, а также эпитафии на надгробиях Метродора, Наны и Демостратеи, Лисимаха, Публия сына Коссы и Феоны сына Дионисия, найденные среди плит пола храма и вмонтированные в его стены [Ашик 1848, I, с. 87, № 25; II, с. 60-62, 64, №№ 4, 5, 6, 8, 15; КБН, № 285, 610]. Среди других античных изделий из мрамора А. Б. Ашик упомянул «колоссальный торс Эскулапа», якобы обнаруженный в 1800 г. в ограде церкви М. Е.-Д. Кларком, где он стоял с «незапамятных времен» [Ашик 1848, III, с. 52, р. CI; Свиньин 1828, с. 24; Спасский

1846, с. 8]²¹. В 1844 г. мраморную колонну с латинской надписью о постановке статуи царю Савромату I Каем Силаном, обнаруженную в 1839 г. в церковном дворе, опубликовал Н. Н. Мурзакевич [Мурзакевич 1844б, с. 286-287; Блаватский 1951, с. 35; КБН, № 46]. В 1875 г. мраморному фризу с изображением Артемиды, Аполлона, Гермеса и нимфы Киллены, найденному в 1840 г. в ограде церкви или при расчистке церковного двора, небольшую статью посвятил Н. П. Кондаков, в которой отметил, что еще одно (или несколько?) надгробий находились в стене церковного «амбара» [Кондаков 1877, с. 16-25, табл. I, № 3; Марти 1926, с. 60; Блаватский 1951, с. 35; Тункина 2002, рис. 85]. Благодаря Н. П. Кондакову мраморный фриз получил широкую известность среди европейских исследователей. Краткий обзор, публикаций, в которых рассматривался этот уникальный памятник, привел Б.В. Варнеке [1915, с. 15-25]. В 1890 г. некоторые надписи из церкви были изданы В.В. Латышевым [IOSPE II, №№ 40, 115, 192, 200, 285].

В настоящее время практически все надгробия извлечены из стен. Два барельефа, в том числе надгробие Наны и Демостратеи, и поныне остаются в южной стене пристройки [Waxel 1803, № 8; IOSPE № 115; КБН, № 285]. Установить точное количество античных надгробий, обломков статуй и барельефов, найденных, как в самой церкви, так и на территории церковного двора, в его ограде и хозяйственных постройках, уже не представляется возможным. Часть из них утеряны, другие были переданы архиепископом Гавриилом и керченским протоиереем Д. Карличем в музей ООИД [Тункина 2002, с. 284], а некоторые хранятся в лапидарии керченского музея [КБН, №№ 496, 610]. В Керченский музей древностей были переданы надгробия, найденные в 1895 г. при рытье фундамента северного придела [КБН, №№ 29, 38]. Последнее, известное нам, надгробие «Деметрии дочери Посейдиппа» было обнаружено в южной стене храма в 1951 г. [Болтунова 1960, с. 204-206, рис. 3; 4; КБН, № 176].

Помимо надгробий, барельефов и обломков архитек-

²¹ Согласно одной из версий «торс колоссальной мраморной статуи Эскулапа» был найден в 1800 г. на горе Митридат [Дюбрюкс 2010, II, рис. 94]. По сведениям Ф. Дюбуа де Монпере, статуя Эскулапа происходила из раскопок И. П. Бларамберга на территории акрополя Пантикапея и впоследствии была передана им в керченский музей [Дюбуа де Монпере 2009, с. 19]. Однако, П. А. Дюбрюкс сообщает еще об одном «огромном торсе», приписываемом Эскулапу. Первый его фрагмент был найден под одной из башен генуэзской крепости, а в 1817 г. в западной части крепостного рва П. А. Дюбрюкс обнаружил второй обломок [Дюбрюкс 1858, с. 26; Дюбрюкс 2010, I, с. 290]. В недавно изданном «Собрании сочинений» П. А. Дюбрюкса этот вопрос оказался еще более запутанным. По мнению его издателей, торс, обнаруженный под одной из башен Генуэзской крепости, был найден «в ограде греческой церкви», а второй торс, обнаруженный в 1800 г. на горе Митридат, позднее был помещен в нее. При этом в обоих случаях подразумевается один и тот же обломок статуи, опубликованный в «Археологическом сборнике» А. Я. Фабра [Дюбрюкс 2010, I, с. 339, прим. 69, II, рис. 94].

турных деталей в качестве строительного материала в церковь попали два античных мраморных постамента. Один из них, благодаря сохранившейся надписи – посвящению Кибеле Леострата за своего брата, получил широкую известность и неоднократно публиковался в российских и европейских изданиях конца XVIII-XIX вв. [Pallas 1801, с. 278, табл. XVII; Waxel 1803, p. 8, № 7; Clarke 1816, I, p. 435; Gouthrie 1802, p. 315; Koehler 1805, p. 18, pl. VI; Raoul-Rochette 1822, VI, №№ 1; Воескх 1843, № 2107; Dubois de Montpéreux 1843, сер. IV, табл. 26с, № 10; Дюбрюкс 2010, II, рис. 69; Спасский 1846, с. 50, прим. 1; Ашик 1848, I, с. 61, № 11; Григорьев 1876, с. 340; IOSPE, II, № 16]. Другой постамент, надпись на котором практически не сохранилась, не привлек внимания эпитафистов, но стал одной из почитаемых святыней храма. Со слов Жильбера Ромма можно предположить, что изначально они были вмонтированы в лестницу северного бокового входа, в ступенях которой путешественник заметил два пьедестала [Ромм 1941, с. 50; Петрова, Прохорова 2011, с. 97]. Однако, по сведениям Л. С. Вакселя и А. Б. Ашика, по крайней мере, один из них – постамент с посвящением Леострата, обнаружили среди плит мраморного пола [Waxel 1803, p. 8; Ашик 1848, I, с. 61]. Изготовлен он был из серого мрамора и имел размеры 0,24 × 0,98 × 0,48 м. На верхней его поверхности вырублены углубления для ног статуи, а на лицевой стороне вырезана надпись: «В царствование Перисада, сына Спартока, Леострат, сын П... за своего брата... посвятил Матери (?)» [КБН, № 23; Яйленко 1995, с. 226, прим. 42, 237; Шелов-Коведяев 1990, с. 173, № 12; Трейстер 1999, с. 144, № 3 (35)]. В 1794 г. П. С. Паллас отметил его новое месторасположение – «в краю стены, выступающем у входа в церковь» [Паллас 1999, с. 123]. Однако около какого из них, северного или западного, путешественник, к сожалению, не уточнил. В 1804 г. возле церкви постамент видел Г. К. Э. Кёлер [Koehler 1805, p. 18, pl. VI]. Впоследствии он был передан Феодосийскому музею древностей, что подтверждает найденная в архиве А. Н. Оленина «Опись Феодосийского музея, учрежденного в 1811 г.» [Кеппен 1828, с. 130-131; Ашик 1848, I, с. 61, прим. 1; Латышев 1889а, с. 110-111]. В 1825 г. среди некоторых других экспонатов из музейной коллекции его упомянул П. П. Свиньин [1826, с. 463]. Спустя несколько лет с ним ознакомился Ф. Дюбуа де Монпере [Дюбрюкс 2010, II, рис. 69]. Однако, когда постамент попал в музей, документально установить пока не удалось, поскольку архив его первого зрителя доктора И. И. Грапперона (Граперона) был вывезен после его смерти Э. В. Тетбу де Мариньи [Колли 1905, с. 47]. На основании «Описи...» музея из бумаг А. Н. Оленина, датированной 1816 г., можно лишь утверждать, что постамент был привезен в Феодосию между 1811 и 1816 гг. [Латышев 1889а, с. 110; Тункина 2002, с. 209]. Возможно, он был куплен городской головой Феодосии и первым заведующим феодосийского музея древностей А. В. Галлерой, направленным в 1811 г. феодосийским градоначальником С. М. Броневским в

Керчь и Ени-Кале для приобретения предметов древности [Гейман 1916, с. 103-104]. Нельзя также исключать, что его доставил и П. Дюбрюкс, которому в этом же году С. М. Броневский поручил пополнить музейную коллекцию [Латышев 1889б, с. 136; Тункина 2002, с. 209; Дюбрюкс 2010, I, с. 135]. В настоящее время место хранения постамента неизвестно [Трейстер 1999, с. 144].

Второй постамент такой известности среди исследователей не получил, поскольку посвятельная надпись на нем была практически стерта и не поддавалась прочтению. По словам Н. Н. Мурзакевича «заметно, что на нем была древняя эллинская надпись; но невежество ее сгладило» [Мурзакевич 1837, с. 683]. Архиепископ Гавриил описывает его как «квадратный камень, наверху которого видна как-бы человеческая ступень» [Гавриил 1844, с. 324]. С конца XVIII в. местные жители окружили постамент легендой, согласно которой углубления в виде человеческих ног на поверхности камня оставил «некой Святой», стоявший на нем «многие годы кряду», а небольшое углубление рядом с ними трактовалось как отверстие «для оконечности посоха» [Сумароков 1800, с. 71; Мурзакевич 1837, с. 683; Справочная... 1886, с. 250]. В 1799 г. писатель и последователь карамзинской школы русских сентименталистов Владимир Васильевич Измайлов, в присущей для него манере повествования, наполненной «ощущениями, чувствами и идеями», но, отнюдь не конкретным содержанием, описывает его следующим образом: «На одном камне в углу церкви, вижу я отпечаток ног человеческих. Народное предание говорит, что это след шагов праведного мужа, означенного чудесами неба, игра природы, которой натуралисты удивляются в камнях, не производила ничего совершеннее сих пяток, выпечатанных на самом твердом веществе» [Измайлов 1805, с. 109]. Какое-то время постамент находился внутри церкви, но со временем, как на это указывает архиепископ Гавриил, посетивший Керчь в 1829 и 1835 гг., он был установлен в трех сажнях от западного входа в церковь. По его же словам, о нем в «народе... ходят разные предания» [Сумароков 1800, с. 71; Дюбрюкс 2010, II, с. 90; Гавриил 1844, с. 324]. Нередко «следы святого» приписывали св. Иоанна Предтечи или апостолу Андрею Первозванному, а наполняемая в углубления «святая вода» считалась целебной [Зенкевич 1894, с. 148]. Подробные сведения о ее «целебных» свойствах мы находим у епископа Гермогена, который, в свою очередь, получил их от настоятеля церкви: «По временам на плиту льют освященную воду и верующие, зажегши свечи пред иконою, благовейно набирают воду для себя и тщательно хранят в домах, как врачество против глазных болезней» [Справочная... 1886, с. 250]. Позднее постамент был помещен в стеклянный футляр, под которым находилась икона св. Иоанна Предтечи с лампадой [Зенкевич 1894, с. 148; Справочная... 1886, с. 250]. В начале XX в. он уже хранился в небольшой часовенке, специально построенной для этой цели [Санжаровец 2006, с. 39].

Традицию почитания на Боспоре апостола Андрея

Первозванного впервые зафиксировал монах Епифаний (20 – 30 гг. IX в.) [Виноградов 1997, с. 24; Виноградов 1999, с. 359; Виноградов 2005, с. 311-313; Виноградов 2006, с. 57]. Согласно местным преданиям, отголоски которых фиксировались еще в конце XIX – начале XX вв., с благословения апостола был построен и сам храм Иоанна Предтечи [Керчь... 1907, с. 10; Абдуллаева 1997, с. 96]. В ином их варианте церковь «была сооружена на месте другой, воздвигнутой одним из Святых Апостолов, притекшим на берега Черного моря проповедовать святое Евангелие» [Картины... 1839, с. 366]. По воспоминаниям П. А. Дюбрюкса, настоятель церкви отец Иоанн заверял путешественников в том, что одним из Апостолов было написано хранившееся в ней древнее Евангелие [Дюбрюкс 2010, I, с. 292].

Церковь, по всей видимости, всегда была одной из излюбленных тем местного народного фольклора. Но лишь немногие из легенд дошли до наших дней. Одну из наиболее ранних легенд, согласно которой церковь была найдена в море, записал Эмиддио Дортелли Д'Асколи [1902, с. 122]. Уже в несколько ином варианте она приведена протоиереем Пажимовым в церковной метрике 1884 г.: «церковь... отделялась от города крепостною стеною, и, чтобы помолиться в ней, христианам нужно было приплывать к ней на ялике, так как она была возведена на острове; потом она начала выходить с моря, по образовавшейся вокруг ее разной насыпи» [Лазенкова 2005, с. 122]. Еще одна легенда, о которой в свое время услышал П. А. Дюбрюкс, повествует о двух братьях Иоанне и Федоре строителях Греческой церкви в Керчи [Дюбрюкс 1858, с. 31-32].

Интерьер храма никогда не отличался богатством и пышностью отделки, но благодаря особенностям внутренних пропорций его древнейшей части [Рыдзевский 1868, с. 458; Дюбрюкс 2010, II, рис. 32] и недостатку света, оказывал сильное эмоциональное воздействие на прихожан.

В центральной апсиде храма находился святой престол (св. Трапеза), в конструкции которого прослеживаются черты общевизантийских традиций литургических устройств [Сумароков 1800, с. 71; Гавриил 1844, с. 323; Рыдзевский 1868, с. 459; Справочная... 1886, с. 249; Авдеев 1887, с. 382-383; Зенкевич 1894, с. 145; Протоколы... 1909, с. 70-71; Гайдуков, Желтов 2006, с. 77]. Он представлял собой отдельно стоящий столик, размерами 0,76 × 1,07 × 0,9 м [Протоколы... 1909, с. 69]. Престольной доской служила плита «из дикого серого камня» (известняка?), а основанием престольные столпы в виде обломков трех вторично использованных мраморных колонн и мраморного столбика. Две колонны были круглыми, третья восьмигранной. На прямоугольном мраморном столбике сохранилась турецкая надпись [Справочная... 1886, с. 249; Авдеев 1887, с. 383; Протоколы... 1909, с. 71]. По всей видимости, он представлял собой фрагмент мусульманского надгробия с усеченно-конусовидным колпаком [Тимченко 2005, с. 389] или в виде прямоугольной стелы «баш-таш», увен-

чанной чалмой «сарыкъ» или женским головным убором «фес» [Кеппен 1837, с. 32; Араджиони, Бахревский, Ефимов, Лазариди 1997, с. 26-30, рис. 18-22]. Использованный для престола материал позволяет предположить, что сооружен он был уже в последней четверти XVIII в., когда были разрушены многие мусульманские постройки и кладбища. В 1980 г. его остатки были обнаружены Т. И. Макаровой. Престол сохранился в виде двух мраморных колонн разного диаметра (20 и 26 см), углубленных в грунт на 0,4 м. Колонны, в свою очередь, были установлены на базах из известняка-ракушечника. Разрушили его, как считает Т. И. Макарова, в 30-е годы прошлого столетия, когда церковь была превращена в зернохранилище²². Здесь же, под новым престолом на уровне древнего пола храма были обнаружены остатки конструкций, связанных с устройством более древнего престола, разобранного, по мнению исследовательницы, не позднее XV в. [Макарова 1998, с. 387-388].

Рядом с престолом, в центральной апсиде, находилось горнее место, краткое описание которого приведено в сочинениях П. И. Сумарокова. По его словам, «место... Царское или первенствующей духовной особы» находилось «по правую сторону» от престола и было украшено «резной работой и позолотой» [Сумароков 1800, с. 70-71; Сумароков 1805, с. 108]. За горним местом располагался синтрон (сопребстие или седалища для сослужащих с Епископом), представлявший собой пристроенную к внутреннему полукругию апсиды ступень шириной 0,6 м [Макарова 1998, с. 387].

Жертвенник (предложение) главного алтаря церкви находился в северной апсиде [Авдеев 1887, с. 382; Зенкевич 1894, с. 145]. Как и престол, он был сооружен из четырех мраморных колонн, накрытых массивной «каменной» (известняковой или мраморной) плитой [Гавриил 1848, с. 198]. В южной апсиде, пока церковь оставалась соборным храмом, размещался престол св. великомученицы Екатерины [Авдеев 1887, с. 382]. Жертвенником ему служила выемка в пилястре, разделяющей центральную и южную апсиды [Гавриил 1848, с. 198]. В конце 80 гг. XIX в. южную апсиду занял диаконник.

Для первой половины XIX в. некоторое представление об предалтарной и центральной части церкви дают набросок из путевого дневника № 2 Н. А. Львова (2 августа 1803 г.) и рисунок М. Клингера (1834 или 1854 гг.), опубликованный в «Записках Одесского Общества истории и древностей». В целом они мало чем отличаются друг от друга, но на более позднем рисунке М. Клингера солеи уже отделены невысокой решеткой, установленной к западу от восточной пары колонн в древней части церкви. Перед ней, по обеим сторонам от амвона, находились аналои и два литых медных подсвечника высотой «2,4 аршина» (около 1,7 м). Еще один под-

свечник, изображенный на рисунке Н. А. Львова перед аналоем возле бокового северного входа, имел высоту не более «одного аршина» (около 0,7 м). Предалтарное пространство освещали несколько подвесных лампад, а центральную часть церкви - медное паникадило с 28 подсвечниками [ЗООИД 1883, табл. IV; Дюбрюкс 2010, II, рис. 29; Гавриил 1844, с. 324; Рыдзевский 1868, с. 467; Брунов 1928, рис. 3].

Не позднее начала XIX в. в церкви установили резной позолоченный иконостас из орехового дерева [Справочная... 1886, с. 249; Гавриил 1844, с. 323; Гавриил 1848, с. 198]. По свидетельству Рыдзевского, в 1857 г. этот «хорошей и красивой резьбы, работы прошлого столетия» иконостас заново покрыли позолотой [Рыдзевский 1868, с. 467]. В метриках 1884 и 1887 гг. он характеризуется как иконостас «старого устройства {...} резной из дерева, резьба помещена на золотом поле, она изображает листья, в иконостасе пять ярусов, Царские врата прямые, из двух створок, резные с столбцами, на них иконы в серебряных ризах, верх их готический» [Лазенкова 2005, с. 122; Протоколы... 1909, с. 69]. По всей видимости, именно этот иконостас с большим резным крестом на верху изображен на рисунках Н. А. Львова и М. Клингера [ЗООИД 1883, табл. IV; Протоколы... 1909, с. 71; Дюбрюкс 2010, II, рис. 29]. Из метрики храма, составленной в 1884 г. протоиереем Пажимовым, известно также, что на иконостасе «не было икон ветхих, подлежащих обновлению, не было на иконах видов городов, монастырей, сражения и надписей» [Лазенкова 2005, с. 122]. В 1889 г. ореховый иконостас сменили новым дубовым, в ложно-византийском стиле, общее представление о котором дают фотографии начала XX в. П. П. Покрышкин вполне справедливо указал на основной его недостаток: в отличие от прежнего иконостаса, размещавшегося сзади восточной пары колонн, новый иконостас частично скрыл их [Протоколы... 1909, с. 71].

К сожалению, более детальным описанием иконостасов, и прежде всего самих икон, мы не располагаем, впрочем, как не имеем и подробных сведений о настенных иконах. В реестре церковного имущества, составленном в 1778 г. священником Д. Триполитом, упоминается одна икона, на которую с двух сторон были нанесены изображения Пресвятой Богородицы и св. Николая [Православна... 2004, с. 144, № 325]. Несколько «полияных» от древности икон в 1802 г. показали П. И. Сумарокову [Сумароков 1805, с. 108]. Одно из первых упоминаний об иконах мы находим в путевых записках М. Е.-Д. Кларка. Иконы произвели на английского путешественника настолько большое впечатление, что он предпочел бы видеть их «в ряду первых произведений искусства». К сожалению, на сюжетах самих икон М. Е.-Д. Кларк подробно не остановился, упомянув лишь, что они «...безусловно, относятся к эпохе обращения русских в христианство» [Clarke 1817, II, с. 123; Кларк 1999, с. 30]. Архиепископ Гавриил, сведения которого относятся к концу 20-х гг. XIX в., перечисляет лишь наиболее древние, помещенные на иконостас иконы

²² Каких-либо документальных свидетельств в пользу того, что помещение церкви после ее закрытия в 1937 г. использовалось под зернохранилище, обнаружить не удалось [Макарова 1998, с. 387].

Спасителя, Пресвятой Богоматери и св. Иоанна Предтечи [Гавриил 1844, с. 323; Гавриил 1848, с. 198]. По всей видимости, именно их Дункан Мак-Ферсон²³ вслед за М. Е.-Д. Кларком ошибочно принял за «произведения раннего греческого искусства, появившиеся здесь после введения христианства» [Мак-Ферсон 2008, с. 160]. К началу 80-х гг. XIX в. иконы Спасителя и Пресвятой Богоматери были украшены серебряными ризами, а храмовая икона св. Иоанна Предтечи позолоченной ризой и «коронай из цветных камней» [Справочная... 1886, с. 249]. Среди других достопримечательных икон нередко упоминалась икона св. великомученицы Варвары, написанная в 1707 г. [Гавриил 1844, с. 323-324; Рыдзевский 1868, с. 467; Справочная... 1886, с. 250]. Состояние древних икон уже давно и вполне обоснованно вызывало опасение. Архиепископ Гавриил, а вслед за ним Рыдзевский, заметили, что иконы «Божьей-Матери и Иоанна Предтечи... столь древние, что дерево начинает уже приходить в истление» [Гавриил 1844, с. 323; Рыдзевский 1868, с. 467], а к середине 80-х гг., последняя уже так обветшала «...что ее редко выносят в крестных ходах» [Справочная... 1886, с. 249]. Возможно, именно поэтому со временем они были извлечены из иконостаса и помещены в киоты [ЗООИД 1883, табл. IV; Протоколы... 1909, с. 69].

Гораздо меньше сведений удалось собрать о внутренней росписи храма и других элементах его интерьерного декора. В начале 80-х годов XIX в. А. А. Авдеев заметил, что «она (церковь — авт.), кажется вся была по штукатурке окрашена масляною краскою, которая в алтаре находится и до сей поры, а в церкви покрыта клевою» [Авдеев 1887, с. 384]. В 1889 г. причтом и старостой церкви Н. П. Кондакову на предмет рассмотрения «в археологическом отношении» был представлен новый проект внутренней росписи. Но был ли он одобрен и впоследствии реализован, остается загадкой. Благодаря фотографиям известно лишь, что еще в 20-е годы прошлого столетия стены и отдельные архитектурные элементы (окна, поддерживающие купол пилоны, подпружные арки) интерьера храма были украшены орнаментальными композициями и изображениями крестов [Брунов 1928, рис. 3; 4]. К сожалению, техника и время их нанесения, а также цветовая гамма неизвестны.

Скудные сведения о внутреннем убранстве церкви дополняет английская путешественница А.М.Б. Микин (1904), обратившая внимание на ее окна, украшенные цветными витражами [Микин 2006, с. 220].

Среди священо-богослужебных книг, хранившихся в церкви, известны Евангелие и Апостол. В 1799 г. «изветшалое на пергамене Евангелие» показали П. И. Сумарокову [Сумароков 1800, с. 71]. В этом же году, в алтаре его увидел В. В. Измайлов [1805, с. 109]. Со

слов М. Е.-Д. Кларка можно заключить, что к 1800 г. эта «древняя и почерневшая от времени, написанная большими буквами, книга» уже давно не служила «надобностям культа» и была заменена печатным экземпляром. Англичанин попытался даже купить ее, но полиция воспрепятствовала его намерению [Clarke 1817, II, с. 123; Кларк 1999, с. 30]. Спустя двадцать лет Евангелие и Апостол привлекли внимание Г. В. Геракова, которому сообщили, что они могли быть написаны «...не менее 500 лет тому назад» [Гераков 1828, с. 119]²⁴. Позднее эти уникальные манускрипты заинтересовали Н. Н. Мурзакевича, который первый среди исследователей обратился к их палеографическому анализу. Евангелие на греческом языке было написано на небольших листах пергамента размерами 26,6 × 20 см. На каждой странице помещалось от 23 до 24 строк, расположенных внизу, прочерченных чем-то острым линейек. Основной текст написан черными чернилами, а заглавные буквы, имена евангелистов, надстрочные ударения и знаки препинания кинноварью, голубой и желтой красками. Апостол, как и Евангелие, написан на греческом языке на 243 листах пергамента размерами 31,1 × 22,2 см. Текст написан черными чернилами по линейкам в два столбца по 26-27 строк на страницу. Имена апостолов, заглавные буквы, ударения и крестики вместо точек выделены чернилами малинового цвета. Руководствуясь работой Бернара де Монфокона «Палеография греков», Н. Н. Мурзакевич датировал Евангелие XI в., а Апостол XII-XIII вв. [Мурзакевич 1844а, с. 626-627]. По распоряжению архиепископа Херсонского и Таврического Гурия (1818-1882) с них были сделаны фотографические копии [Иванов 1883, с. 243; Непомнящий 2000, с. 128]. В 1887 г. в библиотеку Таврической ученой архивной комиссии от А. В. Иванова²⁵ поступила написанная им статья «Греческий рукописный Апостол, принадлежащий Предтеченской церкви в г. Керчи», опубликованная за год до этого в «Записках Императорского Русского археологического общества» [Протоколы... 1897, с. 67; Иванов 1886, с. 165-180; Лосева 2001, с. 18]. В XIX – начале XX вв. Евангелие и Апостол неизменно упоминались среди наиболее ценных, хранимых в церкви реликвий. Время их написания обычно относили к XI (XII) в. и XII-XIII вв. [Картины... 1839, с. 366; Протоколы... 1909, с. 69; Гавриил 1844, с. 323; Гавриил 1848, с. 198; Рыдзевский 1868, с. 467; Ховен Фон дер 1871, с. 281; Иванов 1883,

²⁴ Эти сведения Г. В. Гераков мог получить от местного священника или командира Керченской транспортной флотилии капитан-лейтенанта Н. Ю. Патиниоти, вместе с которым писатель осматривал достопримечательности города.

²⁵ Александр Васильевич Иванов (?-1911) член-учредитель ТУАК, преподаватель Симферопольской духовной семинарии, наблюдатель церковно-приходских школ Таврической губернии. Автор двух принятых в качестве руководств во многих духовных семинариях России и выдержавших по несколько изданий трудов «Руководство к изыскательному чтению Четвероевангелия и Деяний Апостольских» и «Обозрение Апостольских посланий и Апокалипсиса» [Протоколы... 1912, с. 43; Непомнящий 2005, с. 115].

²³ Мак-Ферсон Дункан (1812-1867) член Королевского географического общества и Археологического института Великобритании и Ирландии. В 1855-1856 гг. пребывал в Керчи на должности главного инспектора госпиталей турецкого контингента оккупационных войск союзников.

с. 243; Справочная... 1886, с. 250; Микин 2005, с. 220; Керчь... 1907, с. 11; Крым... 1914, с. 636].

В 20-е годы прошлого столетия эти уникальные книги были переданы на хранение в керченский музей и в довоенные годы числились среди экспозиционных предметов [Марти, 1926, с. 49]. Во время войны в числе прочих книг особого хранения и архивных дел их эвакуировали на Северный Кавказ [Шестакова 2006, с. 34, 43; Боровкова 1996, с. 105]. Однако, здания Армавирского горисполкома и склада горздравотдела, где временно хранились музейные коллекции и эвакуационные ящики №№ 18 и 19 с книгами и архивом, были сожжены и разрушены, и дальнейшая судьба этих книг неизвестна.

Помимо богослужебных книг в церковной библиотеке хранились метрические и исповедные книги, записи в которых соответственно велись с 1809 г. и 1802 г. [Справочная... 1886, с. 250]. Среди других документов Рыздзевский упоминает «маленький и довольно неверный план» церкви и чертеж ее фасада [Рыздзевский 1867, с. 461]. Возможно, речь идет о чертежах, копии которых 29 апреля 1827 г. Ф. Ф. Вигель передал на запрос главноуправляющего путями сообщений и публичных зданий «об остатках древних зданий в городах и о воспреещении разрушать оные» [Дюбрюкс 2010, I, с. 56].

Среди богослужебной утвари наиболее древней реликвией считался деревянный потир красного оттенка с едва заметными изображениями Спасителя, Богоматери, св. Иоанна Предтечи и Распятия. В популярных изданиях и путеводителях XIX – начала XX вв. его традиционно датировали VI в., но внимания специалистов, как искусствоведов, так и историков, он не привлек [Справочная... 1886, с. 250; Микин 2006, с. 220; Протоколы... 1909, с. 69; Зенкевич 1894, с. 149; Крым... 1914, с. 636]. Кроме того, в храмовой метрике 1884 г. значатся два серебряных потира, один византийской работы (по другим данным XVI-XVII вв.), другой с надписью на греческом языке «иерея Леонтия 1773 г.»²⁶, а также серебряные брачные венцы, гладкие и серебряные рипиды [Лазенкова 2005, с. 121; Протоколы... 1909, с. 69]. Некоторые из этих предметов хранились в церкви с последней четверти XVIII в., о чем свидетельствует реестр ее имущества, составленный 1 апреля 1778 г. священником Д. Триполитом. В первой части реестра описано имущество, приобретенное до перевода в церковь Д. Триполита, т. е. до 1773 г. В следующей части реестра перечисляются имущество и предметы утвари, приобретенные и подаренные церкви после 1778 г. В заключении перечисляются богослужебные книги и предметы культа, переданные из церкви Иоанна Предтечи в церковь крепости Ени-Кале [Православна... 2004, № 325].

В 1922 - начале 1923 гг. в Крыму были проведены мероприятия по изъятию церковных ценностей для нужд голодающих. 10 марта 1922 г. первое заседание по этому вопросу в присутствии представителей всех религиозных общин провела керченская окружная комиссия.

²⁶ Имеется ввиду священник Леонтий, возглавлявший греческую общину церкви до 1778 г.

В церкви Иоанна Предтечи, как и во многих других храмах города, изъятие ценностей проводилось дважды: 9 и 10 июня 1922 г. В результате были конфискованы серебряные украшения и церковная утварь общей массой более 92 кг (225 фунтов и 91 золотник). Известно также, что керченским Гохраном помимо изделий из драгоценных металлов в церквях были конфискованы изделия из меди [Катунин 1998, с. 210-230, табл. 1; 2; Белоглазов 2000, с. 31-34; Змерзлий 2001, с. 13-14]. Дальнейшая судьба остального церковного имущества, за исключением некоторых икон, богослужебных книг и предметов утвари, поступивших на хранение в керченский музей и утраченных во время войны, нам не известна.

Не позднее середины XIX в. вокруг церкви стало формироваться кладбище, частично охватившее территорию, которую занимал церковный могильник X(XI)-XIV вв.²⁷. В XV в. церковь оказалась внутри генуэзской крепости [Бочаров 2001, с. 158; Бочаров 2003, с. 46], и практику захоронения у ее стен пришлось прекратить ввиду отсутствия свободной территории. Большинство же погребений в XV-XVI вв. были ограблены. Христианские могильники этого периода в черте средневекового города пока еще не выявлены, лишь изредка встречаются отдельные надгробия [Латышев 1896, с. 97]. Однако, как показали раскопки Т. И. Макаровой, некоторые члены общины получали право на погребение внутри церкви. В пользу этой возможности, конечно, высказывались и ранее, но все свои догадки исследователи строили исключительно на эпитафии Кириака [Гавриил 1848, с. 198; Рыздзевский 1868, с. 466-467].

На Боспоре, как и византийском Херсоне, подобная практика получила широкое распространение, видимо, не ранее XI в. [Сазанов 2001, с. 38-46; Фомин 2008, с. 101; Фомин 2009, с. 361-363]. К сожалению, наиболее ранние погребения, остатки которых были прослежены в нартексе церкви в виде слоя костища мощностью до 1 м, датировать не удалось [Макарова 1998, с. 385, рис. 20]. Более поздние захоронения, отнесенные Т. И. Макаровой к XVII-XIX вв., были стратиграфически разделены на два горизонта. На глубине 0,4-0,6 м от уровня мраморного пола исследовательница зафиксировала остатки истлевших деревянных гробов и кости, а на глубине 0,85-0,90 м открыла девять расположенных рядами каменных ящиков, которые содержали до 5-6 захоронений. В одном из них находился деревянный гроб с железными ручками. Некоторые из ящиков были перекрыты деревянными досками, в других найдена камка. По мнению Т. И. Макаровой, этот погребальный обычай, известный на обоих берегах Керченского пролива, как в античную, так и средневековую эпоху, дожил до XIX

²⁷ Границы средневекового некрополя установить не удалось. Наиболее отдаленные от церкви могилы были обнаружены в нескольких десятках метров к югу, юго-западу и северо-востоку от нее [Охранные... 1957, с. 28-29; Летопись... 1963, с. 68; Федосеев, Столяренко, Куликов 2006, с. 250, рис. 3; Макарова 2005, с. 346-354; Макарова 1972, с. 376-377; Макарова 1982, с. 101-103; Макарова 1998, с. 365-382; Макарова 2003, с. 70-73; Науменко, Пономарев 2009, с. 316-317].

в. Практически все зачищенные погребения оказались безинвентарными. Исключение составил один из ящиков, в котором был обнаружен бронзовый литой крест, датированный XV в. Рядом с другим разрушенным погребением нашли фрагмент шелковой ткани XIX в. [Макарова 1998, с. 383-384].

Во время раскопок около южной стены храма и северной апсиды были обнаружены захоронения священнослужителей XIX в. [Макарова 1998, с. 382, рис. 13: 1, 45; Макарова 2003, табл. 48]. Могилы еще двух священнослужителей, погребенных в 1895 г. и в начале XX в. открыты Е. В. Веймарном и В. Н. Холодковым внутри северного придела и у северной стены храма [Веймарн 1957, с. 6; Санжаровец 2006, с. 40].

К первой четверти XX в. размеры кладбища уже составляли 24,18 × 6,40 м (154,75 кв. м), при общей площади церковного двора 4653,41 кв. м [Санжаровец 2006, с. 40]²⁸.

Наиболее ранние погребения, относятся к 50-м годам XIX в., но большая часть заборонений была совершена в последней четверти XIX – первом десятилетии XX вв. У стен храма находились могилы протоиерея и настоятеля (с 1849 г.) Предтеченской церкви Захария Грамматикаки (1797-1885), городского головы и действительного статского советника Евстафия Дмитриевича Хаджопуло (ок. 1835-1885) [Греки... 2000, с. 261-262], почетного попечителя керченской мужской гимназии, действительного статского советника Дмитрия Лукича Посполитаки (1808-1879) [Греки... 2000, с. 227-228], протоиерея Иоанна Паксилиади (?-1892) и его жены К. А. Паксилиади (?-1891), дьякона Василия Аргиропуло (1862-1905), а также известного керченского предпринимателя и мецената, старосты церкви (27 октября 1883 - 25 ноября 1887) Константина Ивановича Месаксуди (1832/1833-1908) [Зенкевич 1894, с. 149; Санжаровец 2006, с. 39; Греки... 2000, с. 203; Янницы 2002, с. 141]. В первой половине 60-х годов прошлого столетия недалеко от церкви обнаружили каменный саркофаг с мраморной плитой, надпись на которой указывала на погребение в нем Луки Евстафиевича Посполитаки (1769-1852) [Санжаровец 2006, с. 39]. Ошибочно также считалось, что рядом с церковью был погребен Анфим, митрополит Монеувасийский, скончавшийся в 1804 г. [Бертье-Делагард 1907, с. 79, прим. 2; Бертье-Делагард 1910, с. 69, прим. 3]. Однако его могила находилась у южной стены церкви во имя Успения Богородицы в форштадте крепости Ени-Кале [Гавриил 1848, с. 204; Справочная... 1886, с. 255; Зенкевич 1894, с. 56].

В период между 1912-1915 гг. в южной части церковного двора над склепом К. И. Месаксуди была сооружена часовня [Санжаровец 2006, с. 41; Блаватский 1957, рис. 1]. Стены ее возвели из светлого серого камня. Высота увенчанной куполом и крестом часовни достигала 5 м. Сводчатая металлическая дверь была украшена

ажурными деталями. Окна украшали ажурные решетки и витражные стекла. Внутри усыпальницы вели пять мраморных ступеней. Слева от входа размещался саркофаг, а в стене напротив него находилась икона. По некоторым данным это была мозаичная икона Божьей Матери в металлическом, возможно серебряном, окладе [Санжаровец 2006, с. 41].

На территории церковного двора находилась еще одна часовня, время сооружения которой установить пока не удалось. В 1913 г. керченский архитектор Г. Салтыкевич пришел к выводу, что ее обветшавшие стены угрожают падением и здание необходимо разобрать. Об этом намерении Таврическая Духовная Консистерия уведомила ТУАК, одновременно обратившись с просьбой провести архитектурно-археологическое обследование часовни. Осмотреть ее Таврическая ученая архивная комиссия поручила своему члену А. В. Новикову, который пришел к выводу, что часовне насчитывается не более 40-50 лет. К сожалению, поскольку постройка не была признана древней, отчет с ее подробным описанием не опубликовали [Протоколы... 1914, с. 281; Отчет... 1914, с. 349].

Во второй половине XIX – первой четверти XX вв. церковь Иоанна Предтечи оставалась одним из богатейших храмов в Таврической епархии. Во многом этому ее община была обязана церковным старостам керченским купцам, предпринимателям и меценатам²⁹. Сам же причт священник и причетник, денежного жалования не получали, а содержались за счет шестой части, полученных от аренды «церковных домов» средств и процентов с завещанного капитала [Справочная... 1886, с. 250-251]. Так, согласно завещанию Г. К. Месаксуди (умер в 1915 г.), церковь Иоанна Предтечи получила 0,25% его наследства, из которых половина предназначалась на ее украшение и содержание хора певчих, а другая половина на содержание священника [Янницы 2002, с. 153]. В основном за счет церковных доходов и благотворительных взносов при церкви функционировали греческая и русская церковно-приходские школы. В 80-е годы XIX в. они размещались в отдельных зданиях, сооруженных на средства, переданные в 1872 г. церковным старостой и керченским купцом III гильдии Иваном Егоровичем Салатичем. На его же средства были возведены братский корпус Катерлезского Свято-Георгиевского монастыря и двухэтажный дом священника Предтеченской церкви [Справочная... 1886, с. 251; Абдуллаева 2001, с. 74; Сухарев 1999, с. 215]. Длительное время попечителем школ оставался К. И. Месаксуди, вносявший ежегодно 50 рублей серебром [Отчет... 1886, с. 782, 787]. Соответственно церковные суммы составляли около 300 рублей, а плата за обучение варьировалась в пределах от 1

²⁸ Некоторое представление о планировке двора дает выкопировка генерального плана церкви Иоанна Предтечи, опубликованная Н. А. Макаровой [Макарова 2006, с. 159].

²⁹ Прежде всего, К. И. Месаксуди, занимавшему эту должность с 27 октября 1883 г. до 25 ноября 1887 г. и получившему за «усердную и полезную службу» благословение Святейшего Правительственного Синода [Янницы 2002, с. 95]. Позднее старостой церкви был избран его сын Д. К. Месаксуди [Памятная... 1916, с. 81].

руб. в год до 1 руб. в месяц. Помимо приходских школ при церкви была открыта профессиональная школа [Биковська, Переполькіна 2006, с. 97], но специализацию ее установить пока не удалось.

В 30 - 60-е гг. прошлого столетия окружавшие церковь постройки, часовня над склепом К. И. Месаксуди и монументальные надгробия церковного кладбища были разрушены. Само же здание церкви в 1926 г. было включено в «Акт осмотра памятников древности Керчи», составленным директором Керченского историко-археологического музея Ю. Ю. Марти и представителем Центральных государственных реставрационных мастерских Главнауки Б. Н. Засыпкиным. В нем они предложили «не производить никаких ремонтов в древней части церкви» и указали на необходимость обследования иконы Иоанна Предтечи реставраторами [Хливнюк 2006, с. 19; Охрана... 2008, с. 130-131].

В марте 1933 г. комиссия по вопросам религиозных культов Керченского городского совета, используя надуманный предлог, приняла постановление о расторжении договора с общиной греческой церкви. 22 марта этого же года оно было утверждено [Катунин 1999, с. 59]. Тем не менее, еще несколько лет, вплоть до закрытия 28 декабря 1937 г. она оставалась культурным и духовным центром греческой общины [Санжаровец 2006, с. 42; Греки... 2004, с. 40]. В 1938 г. здание церкви передали под филиал Центрального антирелигиозного музея Крымской АССР, в связи с чем из республиканского бюджета были выделены средства для его ремонта (штукатурка и покраска стен, обновление кровли и водостока) и раскрытия фресок, обнаруженных в 1937 г. реставраторами Государственной Третьяковской галереи П. И. Юкиным и И. А. Барановым [Домбровский 1966, с. 68-70; Андросов 2005, с. 14; Гузанов 2006; Попов 1995, с. 117-126; Нікітенко 1998, с. 38]. Во время

войны музей был ограблен, а храм в период оккупации Керчи вновь стал использоваться по своему прямому назначению [Андросов 2004, с. 177; Лазенкова 2005, с. 123]. В конце войны церковь, постановлением ученого совета Главного управления по охране памятников архитектуры Комитета по делам архитектуры при СНК СССР от 5 марта 1945 г. включили в заповедную территорию, в состав которой также вошли некоторые античные памятники, расположенные в Керчи и ее ближайших окрестностях [Андросов 2004, с. 178-179]. В 1947 г. архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) предпринял попытку вернуть церковь верующим, но Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и Комитет по делам архитектуры не сочли возможным удовлетворить его просьбу [Крымская... 2010, с. 83-84]. В этом же году Керченский горисполком передал церковь музею, планировавшему разместить в ней лапидарную коллекцию. Однако, этим планам было суждено сбыться гораздо позднее, поскольку для ремонта здания церкви, сильно пострадавшего во время войны, не удалось найти 500 тыс. рублей [Биковська 2006, с. 20; Дзюбенко 2006, с. 9]. В 1963 г. церкви присвоили статус памятника архитектуры республиканского (УССР) значения³⁰, а с 1967 по 1980 гг. она была полностью отреставрирована [Пономарьова 1996, с. 62-68; Кармазіна 2009, с. 112]. Реставрационные работы проводились Киевской республиканской научно-реставрационной производственной мастерской и Крымской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Автором проекта стала архитектор-реставратор Евгения Ивановна Лопушинская (1920-1995) [Лопушинская 1970, с. 36-37; 50 річчя... 1996, с. 10, 104].

В июне 1990 г. решением Керченского горисполкома церковь возвращена верующим.

³⁰ Охр № 264; Постанова, рада Міністрів УРСР, від 24.08.1963, № 970 «про впорядкування справи обліку та охорони пам'яток архітектури на території Української РСР», редакція від 10. 12. 2008.

Abstract

L.YU. PONOMAREV, D.V. BEYLIN, S.A. BEYLINA

THE GREEK CHURCH OF IOANN PREDTECHA IN KERCH (third quarter of XVIII – beginning of XX centuries)

In 1774 Kerch, in obedience to the terms of Kuchuk-Kaynardzhi agreement, stepped back to the Russian empire. First decades an only one orthodox temple functioned in town. In official records already from 70-th XVIII c. they began to be named the church of Ioann Predtecha. At the same time the name – «Greek church» a foothold after him. In 1800–1804 it was reconstructed, finishing building west-

ern pridel with galleries and bell tower. In 1835 north pridel was erected. By the end of XIX c. since a new bell tower with pritvor and north pridel were erected, the architectural band of church was formed finally. After 1920 the belongings churches of building and cerkovno-prikhodskie schools were closed. To the 30-years church falling into a decay and was finally closed on December, 28, 1937.